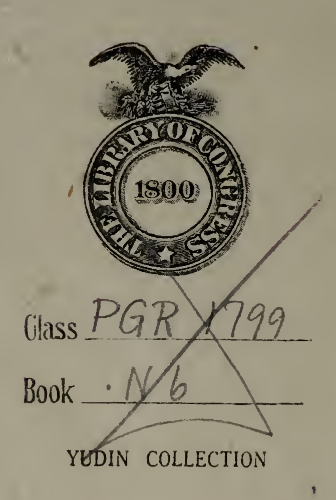
L. Neĭman

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ПАРИЖСКІЯ ДАМЫ.

ВЕСЕЛЫЕ ЭСКИЗЫ
ИЗЪ ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ

Л. Неймана.

съ 14-ю картинами.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца А. И. Манухина.
1871.

ПАРИЖСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Веселыя эскизы изъ Парижской жизни.

—

ГЛАВА I.

Утро.

Еслибы васъ спросили: какъ живетъ Парижанка въ ея собственномъ царствѣ, — въ Парижѣ? вы безъ сомнѣнія отвѣчали-бы: она ведетъ совершенно безполезную жизнь.

10 часовъ утра. Барыня позвонила. Вбѣгаетъ горничная; отдергиваетъ гардины, поднимаетъ сторы и открываетъ ставни.

Скорѣе Жюли! у меня сегодня много дѣла, говоритъ госпожа, широко зѣвая и обнаруживая при этомъ два ряда преламутровыхъ зубовъ.

О, Боги, хранители будуаровъ! скажите намъ, что у ней за дѣла!?

Она должна сдѣлать двадцат одинъ визитъ и принять столько, сколько можетъ вынести.

Однаго тайно—другаго.....

Она должна предпринять путешествіе къ портнихѣ, чтобы ознакомиться съ новыми фасонами. Точно также заѣхать въ модный магазинъ, чтобы рѣшить въ какомъ видѣ она должна явиться на ближайшемъ балѣ, въ видѣ-ли Индѣйской королевы, въ снѣгоподобныхъ цвѣтахъ весны или въ костюмѣ крестьянки.

Это дневныя занятія, а объ вечернихъ нечего и говорить.

Въ провинціи убѣждены, что Парижанки встаютъ поздно—это предубѣжденіе.

Этимъ живущимъ въ огнѣ саламандрамъ нѣтъ времени нѣжиться.

Искусство вѣчно, но жизнь коротка.

Мы обременены множествомъ безполезныхъ частностей, а между тѣмъ никто не спроситъ насъ, сколько часовъ необходимо Парижанкѣ, что бы собрать, приготовить и обдумать безукоризненный туалетъ.—Для этого въ случаѣ небезукоризненности туалета требуется покрайнѣй мѣрѣ восемь дней.

«Юлія, принесли-ли мои новые локоны?

— Да, мадамъ, останетесь довольны. Эти локоны будутъ вамъ очень къ лицу.

«Съ золотымъ отливомъ, Юлія?»

— Цвѣта ржанова колоса!

«Ну теперь поторопись же!»

— Сію минуту мадамъ, кстати сегодня, кажется, придетъ тотъ господинъ.

«Альфредъ—да, я этого не забыла!»

Альфредъ стучится; его впускаютъ; онъ дѣлаетъ три поклона съ прыжкомъ. Затѣмъ онъ вытаскиваетъ изъ кармана мѣшочекъ съ премиленькой вещицей—вновь изобрѣтенной—ноготной щеточкой.

Видно, что онъ искусно владѣетъ ею.

Альфредъ—человѣкъ извѣстный до такой степени, что прелестныя созданія полусвѣта называютъ его не иначе какъ графомъ.

Господинъ Альфредъ склоняется надъ ручками, обрѣзываетъ, чиститъ ея ногти и при этомъ кстати разсказываетъ плачевную исторію своей жизни. Видите-ли онъ былъ богатъ, знатенъ, имѣлъ вѣсъ въ обществѣ; но, увы! горе тѣмъ, кто имѣетъ пылкій умъ и слишкомъ чувствительное сердце. Единственно черезъ это Альфредъ былъ поставленъ въ ужасное положеніе — онъ долженъ самъ, своимъ трудомъ пріобрѣтать средства для жизни. Впродолженіи разсказа онъ подпиливаетъ и полируетъ ногти.

На всякій случай слѣдуетъ замѣтить, что занятіе чисткой ногтей чрезвычайно распространено и что новая щеточка есть чрезвычайно остроумное изобрѣтеніе.

Затѣмъ Альфредъ удаляется, является новый посѣтитель.

Служанка шопотомъ докладываетъ: «мадамъ, художникъ!»

Художника впускаютъ, и дверь за нимъ запирается на ключъ.

Къ этому времени приходитъ супругъ, вѣчный забiяка—Вулканъ, который хочетъ силой ворваться къ Венерѣ. Онъ стучится.

«Кто тамъ?»

«Это я, моя дорогая!

«Августъ—такъ зовутъ супруга—я никого не могу впустить!»

— Какъ никого?

У него вертится на языкѣ: «Развѣ я никто» и на этотъ разъ онъ не ошибается въ этомъ, однако рѣшается довести до конца.

— Даже и меня?

«Даже и тебя.

— Но вѣдь....

«Пожалуйста безъ но—не могу.»

— Мнѣ нужно тебя видѣть, говорить съ тобой.

«Нельзя этого, Августъ!

Августъ Вулканъ, ворча, удаляется. Но что же дѣлаетъ художникъ въ комнатѣ?

Нѣсколько минутъ спустя супругъ возвращается. Онъ еще не отсталъ отъ привычки мѣшаться въ дѣла своей жены.

Бѣдный мужъ! Но неизвѣстнаго уже нѣтъ тамъ; таинственный коршунъ покинулъ гнѣздо голубя; но въ комнатѣ все таки остались слѣды его присутствiя: на коврѣ видно небольшое количество пепла. Мадамъ съ полнѣйшимъ спокойствiемъ натягиваетъ чулокъ на свою ножку.

«Что это такое? взываетъ Вулканъ.

— Можешь видѣть самъ! отвѣчаетъ дама.

Мѣсяцъ спустя Вулканъ увидалъ—въ салонѣ на цоколѣ розоваго мрамора—маленькую ножку, сдѣланную изъ бѣлаго мрамора.

Казалось, что ножка эта жила, что пальцы ея двигались—это было какъ живое естество. Гости смотрѣли и удивлялись. Даже самъ Вулканъ долженъ былъ сознаться: «я и не зналъ, что у тебя такія миленькія ножки.»

Теперь все ясно!!

Художникъ приходилъ, чтобы снимать модель съ ножки дамы, потомъ онъ вырѣзалъ ея изъ парижскаго мрамора.

И вотъ эта та модель, выставленная въ салонѣ, возбуждаетъ всеобщее удивленіе.

Женщины! если вы настоящія Парижанки, дайте свою ножку для модели—это новѣйшая изъ модъ.

—

ГЛАВА II.

Цѣпь и пила.

Въ Парижѣ, къ глубокому сожалѣнію всего человѣчества, попираютъ нравственность, и смотрятъ на бракъ какъ на оковы, а поэтому женщина постоянно думаетъ о томъ, какъ бы разорвать эти оковы. Супругъ дѣлаетъ все возможное, чтобы позолотить эту цѣпь, супруга же старается найти достаточно острую, стальную пилу.

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ разсказывали исторію объ одной знатный дамѣ, которая на своей сватьбѣ, при входѣ въ церковь, наклонилась, сняла башмакъ съ своей ноги и бросила его въ лицо церковно-служителю.

Всѣ сочли ее за сумасшедшую.

Но она вовсе не была сумасшедшей: она вышла замужъ, почувствовала себя свободной и по-

этому бросила на воздухъ свой башмакъ, который случайно попалъ въ лицо церковно-служителю.

Разсмотрите поведеніе молодой парижской дамы — она скромна и прилична или по крайнѣй мѣрѣ хочетъ быть такой. Разсмотрите только ее построже.

Молодая женщина не слишкомъ высоко поднимаетъ голову, но какъ она держитъ остальную свою фигуру. Она точно корабль на всѣхъ парусахъ, разсѣкающій волны и воздухъ. Безъ сомнѣнія, у ней есть кормчій, направляющій ее на путь—это мужъ.

Что онъ тутъ на лицо, легко убѣдиться.

При трудномъ переходѣ онъ управляетъ рулемъ. При всякой случайности онъ отвѣчаетъ за все.

За все!? это общее выраженіе, которое молодыми супругами объясняется не совсѣмъ ясно.

Правдивая мододая женщина не сама по себѣ доходитъ до такого вывода: «я могу дѣлать все, чего ни захочу; мой мужъ за все отвѣчаетъ!» Эта мысль является у ней, какъ отголосокъ всеобщей ходячей истины.

Это мнѣніе не ея личное, но цѣлаго свѣта.

Взглядъ такого рода на свадебный контрактъ и таинство брака носится въ воздухѣ, вносится

въ семейства, такъ сказать, вдыхается съ воздухомъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы на супруга уже совершенно не обращали вниманія и не уважали—напротивъ, иногда его даже любятъ.

Очень рѣдко бываетъ, чтобы Парижанка любила своего супруга долѣе 6 мѣсяцевъ, даже если онъ молодъ и свободенъ отъ недостатковъ. Новизна раздражаетъ эти нервозныя натуры.

Бываютъ и такіе случаи: въ Маѣ молодой супругъ наслаждается, а въ Іюнѣ жена пріобрѣтаетъ себѣ любовника. Время медовыхъ мѣсяцевъ полно увлеченій и восторговъ, нарушаемыхъ иногда бурями и раскатами грома.

Достаточно самаго незначительнаго обстоятельства, чтобы разорвать такое чувство, родившееся изъ пустяковъ и питаемое пустяками.

Для примѣра разскажу вамъ исторію сердоликоваго бокала госпожи Б.

Она при крещеніи получила хорошенькое имя Текла.

Бокалъ стоялъ на карнизѣ камина, то на правой, то на лѣвой его сторонѣ, иногда же прямо противъ столовыхъ часовъ. Если онъ стоялъ на правой или на лѣвой сторонѣ—это значило, что бѣдный Б. могъ спать гдѣ ему угодно, но только не въ комнатѣ своей жены.

Если же мадамъ Б. ставила его прямо противъ часовъ, то этимъ давалось позволеніе супругу.....

Однажды вечеромъ Текла увидала своего супруга, по обыкновенію сидѣвшихъ у камина и попросила его достать ей висѣвшую у окна ея

пудру; едва только супругъ оборотился къ ней спиной, какъ она, вся закраснѣвшись, схватила бокалъ и поставила его противъ стѣнныхъ часовъ; затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, склонилась у своей кушетки. Когда она поднялась и взглянула на каминъ—бокалъ стоялъ по правую сторону противъ канделябры.

Текла подумала, что она грезитъ на яву.

«Генрихъ, говоритъ она, не хочешь-ли позвать ко мнѣ Юстину.

Пока мужъ ея переходилъ черезъ порогъ, чтобы позвать ея горничную Юстину, она сунула поспѣшно бокалъ на середину камина и затѣмъ пошла въ свою уборную.

Когда она возвратилась—этотъ непостоянный бокалъ стоялъ на лѣво передъ другимъ канделябромъ; въ эту минуту къ ней подошелъ супругъ, поцѣловалъ ее въ лобъ и удалился.

Теклѣ показалось, что къ ея сердцу прикоснулись одновременно кусокъ льда и раскаленное желѣзо.

Она бросилась къ звонку и спросила горничную:

«Гдѣ мужъ?»

— Онъ только что вышелъ, отвѣчала Юстина, смѣясь; эта плутовка горничная очень хорошо знала, почему господинъ Б. вышелъ и куда онъ пошелъ.

Текла схватила бокалъ и бросила его съ размаху въ каминъ.

«Око за око, зубъ за зубъ» вскричала она.

И разгнѣванная Парижанка приказала своей горничной поскорѣй подавать одѣваться.

Одѣвшись она отправилась, и съ первымъ встрѣчнымъ молодымъ человѣкомъ заговорила.

ГЛАВА III.

Жена банкира на карнавалъ-балѣ.

Оперный балъ — изобрѣтеніе и снимокъ временъ регенства.

Шевалье де—Бульонъ, изобрѣтатель этого новаго удовольствія, былъ награжденъ за это 6,000 ливровъ пенсіи. Это историческій фактъ.

Одинъ кармелитскій монахъ, именно патеръ Себастьянъ, бывшій искуснымъ художникомъ, нашелъ средство по своему усмотрѣнію поднимать и опускать полъ партера до высоты сцены.

Какъ было вознаграждено это новое изобрѣтеніе, исторія умалчиваетъ.

Въ первый разъ оперный балъ былъ данъ 2 Января 1716 года и удержался до нашего времени, хотя уже въ много измѣненномъ видѣ; но онъ также шуменъ, какъ тогда, и даже болѣе въ модѣ.

Прежде онъ былъ забавой людей знатныхъ; дурныя страсти по крайней мѣрѣ прикрывались хорошимъ тономъ. Теперь нѣтъ ни одного бухгалтера, ни одного лакея, который не принималъ бы въ нихъ участія и не разыгрывалъ бы ще-

голя; нужды нѣтъ, что для одной изъ такихъ ассирійскихъ ночей приносится въ жертву цѣлое мѣсячное жалованье.

Черезъ это сцена первая въ мірѣ часто бываетъ наполнена грязной, безъименной, пьяной и осиплой толпой.

Вѣрный своему первоначальному происхожденію и аристократическому тщеславію оперный балъ исключаетъ переодѣванье и танцы.

Мужчины допускаются только въ статскомъ платьѣ а переодѣванье женщинъ не должно идти дальше домино.

Прогуливаются вокругъ тихо играющаго оркестра, который покрываетъ жужжаніе дружескихъ бесѣдъ, не заглушая ихъ совершенно. Это сначала, но потомъ революціонный смычокъ капельмейстера изгоняетъ послѣднее жужжаніе любовной балтовни, которая замѣняется смѣлою разнузданностью.

Во вторникъ на масляницѣ въ 1869 году, былъ данъ балъ, о которомъ любители подобнаго рода удовольствій вспоминаютъ еще и до сихъ поръ.

На этомъ первомъ дебютѣ оперный балъ достигъ своего апогея.

Въ награду за это художника, затѣявшаго этотъ балъ, носили на рукахъ — его чуть не задавили его фанатическіе и бурные поклонники.

Какая смерть для капельмейстера, но довольно—и о самомъ маскарадъ-балѣ и объ этомъ маскированномъ, отчасти приличномъ, всегда блестящемъ и иногда остроумномъ обществѣ — все это похоже отчасти на англійскій реутъ, отчасти на венеціанскую ночь.

Здѣсь со времени введенія канкана улетѣли навсегда и грація, и скромность и остроуміе.

Когда онѣ возвратятся, безъ сомнѣнія будетъ найдена мѣра, которая будетъ удовлетворять всѣмъ вкусамъ.

Балъ представляетъ двѣ картины; залъ переполненъ танцующими, фойе наполняется интригами, которыя всего больше происходятъ отъ 1 ч. до 5-ти.

Но увы! Интрига, по крайней мѣрѣ на оперномъ балѣ, все болѣе и болѣе теряетъ свой букетъ. Подслушаемъ, напримѣръ разговоръ между тѣмъ молодымъ денди и этимъ красивымъ домино, которые только что повстрѣчались.

«Здравствуй, Эрнестъ! говоритъ домино.

«Здравствуй! отвѣчаетъ левъ: развѣ ты меня знаешь?»

«Да,—вѣдь ты живешь на Гельдеръ Штрасѣ.»

«Вѣрно, я хотѣлъ переѣхать оттуда, но не нашелъ другой квартиры.»

«А зачѣмъ же ты хотѣлъ переѣхать, милый повѣса?»

«Моя квартира безпокойна и мой каминъ дымитъ.»

«Развѣ только поэтому? Узналъ ты меня теперь?»

«Сразу!—Вы—мадамъ Д!

«Ты ошибаешься!»

«Нѣтъ!»

«Да!»

«Нѣтъ—сознайтесь, что вы мадамъ Д...

«Какъ поживаете?»

«Сносно, если не считать насморка. Я сдѣлала неловкость, что пришла сюда, но эти маскарады такъ заманчивы... Но мнѣ пора! Вонъ, я вижу одного господина, котораго мнѣ нужно интриговать. До свиданія!

«До свиданія мадамъ!»

Какое блестящее остроуміе! Стоитъ ли это труда маскироваться и говорить ты другъ—другу.

Не смотря однако на это, оперный балъ составляетъ любимѣйшее удовольствіе и восторгъ націи, выдающей себя за образованнѣйшую и просвѣщеннѣйшую въ свѣтѣ.

Этому любимому удовольствію Парижанъ повредили нѣсколько такъ называемые балы Шикара, акціи котораго были замѣчены на биржѣ и въ которыхъ приняли участіе дѣти перовъ Фран-

ціи, первые театралы, начинающіе дипломаты, ветошники, скульпторы и дѣлатели гипсовыхъ ста-

туэтокъ, историческіе живописцы и живописцы вывѣсокъ, писатели и музыканты: всѣ они бра-

тались и обнимались между собою какъ старые друзья, тогда какъ въ предъидущій вечеръ они еще не были знакомы, а на другой день послѣ объятій старались не узнавать другъ—друга.

Наступилъ вечеръ, загорѣлъ газъ—солнце современнаго карнавала. Маскированные, побѣ-

давши, садятся въ свои экипажи и катаются при свѣтѣ факеловъ: до тѣхъ поръ, пока не приблизится праздничный часъ бала.

Полночь.

Весь Парижъ поднимается какъ одинъ человѣкъ. Изо всѣхъ улицъ, изо всѣхъ дверей, со всѣхъ лѣстницъ и этажей появляются новыя маски. Слышатся дикіе крики, кошачья серенада, собачій лай, завыванье волковъ и шакаловъ, перемѣшанные съ лошадинымъ ржаніемъ, со стукомъ десятка тысячь каретъ, со звукомъ рожковъ и трубъ.

Если бы въ эту минуту грянуль громъ съ небесъ, то въ этомъ шумѣ и суматохѣ, кажется и его нельзя бы было разслышать.

При далеко-несущемся крикѣ и шумѣ этой громадной лавины открываются врата 400 баловъ. Да, дѣйствительно 400, говоря безъ преувеличенія — начиная съ огромнаго и великолѣпнаго опернаго бала и кончая какимъ-нибудь погребомъ, гдѣ плата за входъ вмѣстѣ съ бутылкой вина не болѣе 50 сантимовъ.

Никакое перо, никакая кисть не въ состояніи изобразить царствующаго повсемѣстно безпорядка и смятенія.

Бой въ литавры и бубны, бѣшеный танецъ, вертящійся галопъ, драки, умышленное смятеніе, прерываемое арестами—вотъ какова на видъ физіомія этого шабаша.

Здѣсь попадаются львы, забавляющіеся хуже тряпичниковъ — въ этомъ и состоитъ единственное различіе между ними.

Ночь проходитъ какъ сновидѣніе или скорѣе какъ кошемаръ.

Чтобы достойнымъ образомъ закончить праздникъ, надобно сначала выпить бутылку Бордо, закусивши куринымъ крылышкомъ на бульварѣ ресторанъ—что стоитъ 20 фр.—и затѣмъ поспѣшить на высоту Бельвиля, чтобы взглянуть на эти запыленныя шумныя и пьяныя толпы народа. Эта безъименная толпа, эти охриплыя глотки, эти голыя руки, эти непонятные Римляне, эти Турки въ бумажныхъ чалмахъ, эти нюхающія табакъ пастушки, эти грязные маркизы, эти тѣснящіеся вдоль домовъ средневѣковые рыцари, эти заплатанные миннезингеры—все это безъ масокъ уже и спѣшитъ домой.

Извѣстно, что иногда и приличныя дамы посѣщаютъ этотъ балъ масокъ; отъ этого происходятъ иногда непріятныя случайности, впрочемъ не для нея, а для другихъ.

Это видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ самой серединѣ карнавала съ мадамъ X, женой одного извѣстнаго банкира, произошелъ странный случай.

Она хотѣла подурачиться на оперномъ балѣ, но только безъ супруга и не въ ложѣ, а въ пол-

ной давкѣ съ ужиномъ и шампанскимъ, со всѣми принадлежностями лоретки.

Мадамъ Х, очень много слышавшая о лореткахъ, забрала себѣ въ голову сумасбродную мысль. Чего иногда не вздумается молодой хорошенькой Парижанкѣ; ей страстно захотѣлось видѣть одно изъ тѣхъ счастливыхъ созданій, надъ которыми такъ настойчиво трудятся мужья, не возбуждая нисколько, какъ говорятъ, ревности женъ.

Она довѣрила свой планъ господину М, ея усердному поклоннику и торопила своего соучастника ускорить его выполненіе.

Г. М возражалъ сколько могъ, но наконецъ долженъ былъ согласиться служить прихотямъ дамы.

Для мадамъ Х ничего не значило обмануть своего бдительнаго супруга; для большаго его убѣжденія она хотѣла какъ будто бы заболѣть лихорадкой и лечь въ постель на все время своего пребыванія на оперномъ балѣ.

Оставалось только позаботиться объ ужинѣ и достать необходимую лоретку.

Забота объ этомъ была поручена Г. М, который прежде былъ большимъ охотникомъ до лоретокъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не предлагалъ еще своихъ цѣломудренныхъ чувствъ супругѣ банкира.

Это обстоятельство изъ прошлой его жизни было извѣстно ей и она часто ставила это въ упрекъ

ему, но каждый грѣхъ со временемъ отпускается и кромѣ того каждый грѣхъ имѣетъ свою хорошую сторону, которая въ этомъ случаѣ состояла въ возможности удовлетворить капризу прекрасной жены.

Разъ принявши это странное порученіе, Г. М. сталъ считать дѣломъ чести хорошее его выполненіе.

Онъ выбралъ самую живую, лукавую и остроумную изъ прекрасныхъ вѣтрениць, которыхъ было множество на балѣ; она должна была сдѣлаться предметомъ изученія для мадамъ X.

Сначала Тигрица (такова была воинственная кличка этой сирены) отказалась, конечно съ сожалѣніемъ, отъ приглашенія къ ужину, ссылаясь на то, что ея покровитель былъ также на балѣ; она охотно бросила бы его, но теперь сдѣлать этого нельзя, потому что скоро подойдетъ время платы за квартиру.

Ну вотъ! сказалъ г. М., пошли его къ чорту, а о будущемъ не заботься!

Пожалуй теперь я его брошу, но потомъ я вѣдь опять должна его поднять, сострила лоретка.

Эта острота развеселила г. X, и она присоединила свои просьбы къ просьбамъ г. М. Наконецъ съ большими усиліями имъ удалось соблазнить Тигрицу.

Въ классическій часъ фойе, въ половинѣ четвертаго, наше тріо оставило балъ въ сопрово-

жденіи одного молодаго человѣка, знакомаго съ Тигрицей и съ г. М.

Обѣ пары отправились въ одинъ изъ ресторановъ стараго города и взяли тамъ роскошный кабинетъ, отличавшійся уютностью и изяществомъ.

Ужинъ былъ самый веселый.

Возбуждаемая Бахусомъ, тигрица разсыпалась въ остротахъ и каламбурахъ довольно сальнаго свойства, такъ что М-мъ X. сначала сконфузилась, но мало по малу она стала оправляться отъ смущенія и довольно сносно разыгрывала роль провинціальной лоретки, которая хотѣла бы повеселиться въ столицѣ, но въ тоже время сознавая, что у нея нѣтъ хорошаго тона, но со временемъ и съ помощью тигрицы она надѣется его выработать.

Все шло отлично и непристойныя шутки дѣйствительной лоретки перестали смущать поддѣльную ея подругу; она смѣялась отъ всего сердца и не думала раскаяваться въ своемъ неразумномъ поступкѣ, какъ вдругъ за дверью кабинета, гдѣ кушали четверо нашихъ гостей, послышался знакомый голосъ.

Этотъ дрожащій отъ гнѣва голосъ принадлежалъ г. X, который свирѣпо требовалъ, чтобы его впустили, иначе грозилъ выломать дверь.

Нужно упомянуть, что банкиръ самъ явился съ опернаго бала, гдѣ жена его къ удивленію

своему видѣла, но она не придала этому значенія, такъ какъ ее трудно было узнать.

Но теперь угрожающій голосъ супруга прозвучалъ ей какъ *мани*, *факелъ*, *фаресъ* на пиру Вальтазара.

— Это мой мужъ—я погибла! вскричала она въ отчаяніи.

Не смотря на свою извѣстную храбрость, самъ г. ф. М. растерялся. Одна тигрица осталась спокойною и, какъ ни въ чемъ не бывало, управлялась съ грушей, наблюдала за испуганной парой и, казалось, наслаждалась ея безпокойствомъ.

—А, мадамъ, оказывается почтенной дамой, восклицаетъ лоретка, искоса насмѣшливо посматривая на М-мъ X. Это значитъ надо мной издѣвались! Хорошо же, теперь будетъ и мнѣ надъ чѣмъ посмѣяться!»

— При этихъ словахъ она вскочила и побѣжала къ двери.

— Боже, что вы хотите дѣлать? кричитъ испуганная супруга.

— Я хочу отворить дверь вашему супругу, отвѣчаетъ хладнокровно тигрица.

— Слышите, какъ онъ ломится! Или вы хотите дождаться того, чтобы онъ сорвалъ дверь съ петель?

— Ради Бога, не дѣлайте этого! проситъ г-жа X задыхающимся голосомъ: вы не захотите сдѣлать меня несчастною!

— Я мадамъ? Небо да сохранитъ меня отъ этого, сказала лоретка, кладя палецъ на задвижку, которая сопротивлялась еще яростному Отелло счетныхъ книгъ: я добросердечная дѣвушка, продолжала она, я никому не желаю зла. Надѣньте опять вашу маску и успокойтесь. Вашъ супругъ ищетъ здѣсь не васъ.

При этихъ словахъ тигрица отодвинула задвижку и отворила дверь, на порогѣ которой появился, блѣдный отъ ярости, банкиръ.

При видѣ его мадамъ X чуть не упала въ обморокъ. Позабывши совершенно, что на ней опять была надѣта маска, въ ужасѣ она закрыла руками лицо и желала въ эту минуту провалиться въ землю на 1000 ф. глубины. Какъ невинная жертва, склонившаяся подъ убійственнымъ ножемъ, ожидала она роковаго удара, который сама наворожила на свою голову.

Но каково было ея удивленіе, каково было ея затаенное негодованіе, когда она увидала, что потокъ ругательствъ и проклятій, ожидаемыхъ ею за ея легкомысліе—цѣликомъ обрушился на голову ея новой подруги, которая по своему обыкновенію только смѣялась надъ нимъ.

Теперь все было ясно: госп. X былъ покровитель лоретки. Какъ только его вѣтряная подруга бросила его на балѣ, онъ отправился ее преслѣдовать и шагъ за шагомъ открылъ наконецъ убѣжище, гдѣ была скрыта бѣглянка. Вы-

ходя изъ себя за съигранную съ нимъ дурную шутку и еще болѣе отъ хладнокровія невѣрной— онъ кричалъ и шумѣлъ, не смотря на присутствіе г. М, котораго онъ конечно узналъ.

Тигрица, напротивъ, оставалась непоколебимою, подождала пока онъ перебѣсился, потомъ взяла его за руку и въ свое оправданіе сказала только слѣдующія слова: «не правда-ли, теперь вы готовы? Я надѣюсь, что вы будете такъ добры, отвезете меня ко мнѣ, домой. Г. Х., который какъ всѣ покровители былъ слабъ, почувствовалъ при этихъ словахъ, что его гнѣвъ исчезаетъ; короче онъ подался на обольстительную просьбу.

— Ради Бога, г. ф. М. говорилъ онъ уходя съ тигрицей, между тѣмъ какъ четвертый лишній гость уже ушелъ—ради Бога, ни слова моей женѣ объ этой исторіи.

— Пожалуста, не безпокойтесь, отвѣчаетъ молодой человѣкъ, нѣжно пожимая ручку оставшейся дамы.

ГЛАВА IV.

Обыкновенная исторія.

Мой другъ Клавдій женился.

Прежде онъ жилъ въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ города; въ послѣднее время, напротивъ, переселился на новую улицу въ центрѣ города.

Дѣйствіе происходитъ въ началѣ лѣта.

Въ одинъ прекрасный день онъ безъ всякой особенной цѣли подошелъ къ окну, уткнулся носомъ въ стекло и долго и внимательно что-то разсматривалъ; потомъ онъ обратился къ женѣ, сидѣвшей въ той же комнатѣ, и сказалъ ей, что онъ сей-часъ любовался на одну молоденькую дѣвушку.

«Прелесть что за штука» прибавилъ онъ къ этому.

«Я рада этому», отвѣчала супруга, съ оттѣнкомъ угрозы въ голосѣ.

Это не мѣшало однако супругу въ нѣсколько пріемовъ подступать къ окошку; въ своемъ увлеченіи онъ даже небоялся возбудить ревность супруги.

Молодая особа, казалось, напротивъ, необращала никакого вниманія на моего почтеннаго друга.

Ей было не до того — она вышивала у окна. Лѣто, между тѣмъ, подвигалось впередъ.

Клавдій отправилъ свое семейство на дачу.

Самъ онъ велъ холостую жизнь, обѣдалъ въ трактирѣ и не думалъ болѣе о своей сосѣдкѣ. Когда онъ чрезъ два мѣсяца возвратился домой, то служанка обратилась къ нему:

«Здѣсь была какая-то молодая дама; она желала говорить съ Вами.»

«Молодая дама? — она была одна?» живо спросилъ Клавдій.

Нѣтъ, отвѣчала служанка, смѣясь: «она приходила съ своей нянькой.»

Г-мъ, съ нянькой!

Она опять придетъ.

Послышался тихій звонокъ.

Дѣло, подумалъ Клавдій, уходя изъ комнатъ, если только это та дама, какъ я догадываюсь, то, какъ видно, она нетеряетъ даромъ времени, и хорошо дѣлаетъ. Ничего; это можно.

Невольно какъ то вошелъ онъ въ гардеробную и намочилъ духами руки и бороду. Затѣмъ возвратился въ салонъ, куда была введена незнакомка.

Нянька осталась въ передней.

Мой другъ Клавдій отворилъ дверь и увидалъ, что это была она—молодая дѣвушка.

Вдругъ, почему-то на него напалъ рѣдкій припадокъ откровенности.

На мгновеніе онъ замялся и пробормоталъ: дитя мое—неошибайтесь: мнѣ уже сорокъ лѣтъ.

Слышала-ли она это? Это извѣстно только Богу и ей.

Врочемъ другъ мой произнесъ это признаніе не слишкомъ громко.

Кромѣ того звукъ его голоса былъ заглушенъ другимъ болѣе сильнымъ звукомъ, именно рыданіемъ, выходившимъ изъ устъ молодой дѣвушки.

Рыданіе!—Да, она плакала.

Это было причиною, что нашъ сорокалѣтній юноша, растроганный, поспѣшилъ предложить ей кресло и помѣстился около нея, горя нетерпѣніемъ узнать, какого рода утѣшеніе можетъ онъ предложить ей для смягченія ея раздирающей скорби.

Какъ капли дождя, падающіе на листья розы, слезы струились съ лица молодой дѣвушки и капали сквозь пальцы.

Она пришла, какъ сосѣдка къ сосѣду, по этому на ней не было перчатокъ.

— «Ради Бога,» сказала она наконецъ, «недумайте обо мнѣ дурно.»

— «О, не безпокойтесь—я не до такой степени строгъ» отвѣчалъ Клавдій.

Это говорили его молодыя стремленія; старый скептикъ молчалъ. Къ этому Клавдій прибавилъ смѣясь: «я не до такой степени глупъ.»

Онъ почувствовалъ, что при этихъ словахъ маленькая ручка сосѣдки, которую онъ держалъ въ своей рукѣ, слегка дрогнула.

— «Сударыня, началъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ: мы знаемъ другъ друга давно. Поэтому меня нисколько неудивляетъ то, что вы сдѣлали честь своимъ посѣщеніемъ. Мы должны смотрѣть другъ на друга, какъ старые друзья, которые хотя никогда не говорили между собою, но за то видались ежедневно. Вы очень хорошо знаете, что это почти одно и тоже. По всей вѣроятности вы имѣете какую нибудь надобность во мнѣ.»

— «О да, и самую настоятельную.»

«Въ самомъ дѣлѣ?» воскликнулъ Клавдій.

Сказалъ я ей или нѣтъ о томъ, что мнѣ сорокъ лѣтъ? подумалъ предатель. Сохрани Богъ, теперь мнѣ только двадцать пять.

— «Но, продолжалъ онъ: «если вы нуждаетесь въ моемъ добромъ совѣтѣ, то скажите только отчего вы плачете».

— «Мнѣ совѣстно!»

— «Не любите-ли вы кого нибудь?»

— «Я, право, незнаю» сказала она, потрясая головой. Она была подобна молодому, качаемо-

му вѣтромъ дереву, съ котораго падали капли росы.

Лице и платье моего друга были окроплены этими блестящими жемчужинами.

Наступалъ вечеръ.

Внезапно склонила она свою прекрасную, удрученную горемъ головку, на плечо моего друга.

— «Ахъ, я очень несчастна!» сказала молодая особа: мой отецъ воспиталъ меня въ незнаніи настоящей жизни.»

«Большая вина на его совѣсти, но онъ также наказанъ. Его дѣла идутъ дурно—онъ долженъ обанкрутиться.»

«Что вы говорите»? вскричалъ Клавдій.

«То, что я вамъ сказала; сегодня мы получили письменное распоряженіе объ описи......

«Да, за неоплаченные векселя.... я отчасти также былъ знакомъ съ маленькими затрудненіями такого рода.»

«Но теперь, конечно, вы незнаете ихъ!»

Клавдій невольно наморщилъ лобъ, но тотчасъ же устыдился этого. «Скажите, мнѣ теперь, сказалъ онъ: сколько нужно вашему отцу для поправленія его дѣлъ?»

«Ахъ, тихо проговорила она: какъ много! намъ необхохимы 50,000 франковъ.

«50,000 франковъ!» закричалъ почти Клавдій, подпрыгнувъ на стулѣ.

— «Боже мой!» прошептала молодая дѣвушка. Теперь рыданія ея сдѣлались до такой степени сильны, какъ будто бы плакальщицы всего свѣта собрались въ салонъ и составили хоръ своимъ воемъ.

Добрый Клавдій ужасно испугался этого и палъ ницъ предъ молодой дѣвушкой.

Онъ чувствовалъ, что долженъ выпроводить эту сладко плачущую сирену, но онъ незналъ, какъ къ этому приступить.

Онъ началъ съ того, что далъ ей понять, что 50,000 франковъ нельзя, такъ сказать, высыпать изъ рукава и прибавилъ къ этому что онъ сдѣлаетъ все возможное, что онъ посмотритъ...

— «Но вы посмотрите; вы постараетесь—да?» спросила дѣвушка.

Онъ поднялъ ее со стула, обвивши рукою ея талію; при этомъ онъ былъ пораженъ гибкостью и стройностью ея стана.

Мало-по-малу онъ довелъ ее до передней, гдѣ ждала ее нянька.

— «Завтра, сказалъ онъ, я посмотрю, что я могу сдѣлать; а вы ободритесь и осушите ваши слезы. Скажите мнѣ ваше имя!»

— «Завтра я вамъ напишу!»

Они дошли до порога двери; молодая дѣвушка бросилась ему на шею и сказала:

— «Я приду опять»!

— «Конечно,» послалъ ей въ отвѣтъ Клавдій.

Затѣмъ онъ погрузился въ бездну предположеній, изъ которыхъ немогъ найти выхода.

— «Ахъ, слабое сердце! онъ охотно повѣрилъ бы въ чистоту этого ребенка, съ его ангельскимъ личикомъ, но онъ не могъ вѣрить, не могъ рисковать.

Быть можетъ малютка была приведена къ нему отчаяніемъ и горемъ или сердечнымъ влеченіемъ, быть можетъ она только помощница какого нибудь негодяя, котораго она называетъ своимъ отцемъ.

— «Сама-ли по себѣ пришла она, или была подослана. Какъ это знать?»

Онъ размышлялъ далѣе. «Пятьдесятъ тысячь франковъ» ворчалъ онъ сквозь зубы. 2,500 золотыхъ изображеній моего императора, моего Монарха.»

— «Къ чорту! вскричалъ онъ громко: я долженъ уѣхать; если я останусь здѣсь, я долженъ буду отдать ей эти деньги.»

И онъ уѣхалъ къ женѣ.

Что можно вывести изъ этой исторіи? И за чѣмъ съ молоденькой дѣвушкой была нянька?

— «Юстина, мы идемъ отсюда къ моему двоюродному брату; онъ, бѣдняжка несовсѣмъ ла-

дитъ съ моимъ отцемъ и потому отецъ недолженъ знать ничего о нашемъ посѣщеніи.»

Юстина смѣялась. Эта нянька была отличной горничной. Она думала: «теперь моя барышня небудетъ уже меня бранить,—она у меня въ рукахъ.»

—

ГЛАВА V.

Балъ—Мобиль.

Можно-ли прожить день безъ танцевъ? Это любимая поговорка Парижанъ.

Едва только пепелъ постнаго времени, подобно горному савану, покроетъ мишуру карнавала, повсемѣстно открываются другія заведенія для танцевъ; во всѣхъ частяхъ города гремятъ такъ называемыя польки нужды (можетъ быть постныя польки) и другія.

Нужно упомянуть въ особенности о такъ называемомъ балъ-мобилѣ. Балъ–мобиль прежде былъ не что иное какъ скромная бесѣдка въ одномъ изъ уголковъ Елисейскихъ полей, и посѣщался только искательницами приключеній, гризетками предмѣстій и неустрашимыми конторщиками; но почему-то внезапно поднялся онъ изъ мрака не-

извѣстности, оставилъ далеко за собой самыхъ гордыхъ изъ своихъ соперниковъ.

Сегодня суббота, большой день большаго собранія; вторникъ—малый; въ четвергъ приливъ мно-

жества танцующихъ изъ другихъ танцъ-классовъ, а о воскресеньи нечего и говорить.

Приличные люди, извѣстныя лоретки и однообразно проницательные покровители считаютъ низкимъ для себя смѣшиваться съ воскресной толпой; эти воскресныя собранія такъ мало уважаются самимъ управленіемъ заведенія, что воскресная плата за входъ понижается до 1 франка—50 сантимовъ, тогда какъ въ дни, назначенные для аристократіи, пропускъ въ святилище стоитъ не менѣе 5 франковъ. Конечно, какъ и вездѣ платятъ мужчины, а особы прекраснаго пола не платятъ ничего.

Довольно бросить одинъ взглядъ на длинный рядъ экипажей разнаго рода—улитко-и колбасообразныхъ, на милордовъ и цитадинъ, наполняющихъ «вдовью аллею»—чтобы убѣдиться въ томъ, что балъ-мобиль посѣщается сливками Бреда и улицы Жоржа.

Наступила ночь; газъ зажженъ, смычекъ капельмейстера, представляющаго въ этомъ увеселительномъ мѣстѣ Орфея, подалъ знакъ начинать танцы.

Кавалеры (пятифранковые) бросаются со всѣхъ ногъ къ оркестру и увлекаютъ за собою въ своемъ стремительномъ дѣлѣ множество розъ, время цвѣтенія которыхъ къ сожалѣнію давно уже миновалось. Начинается балъ, описывающій огром-

ную спиральную линію вокругъ павильона, гдѣ играетъ полковая музыка.

Очень много было говорено объ томъ новѣйшаго изобрѣтенія, достойномъ удивленія танцѣ, который называется....... его не называютъ, но охотно бѣгутъ туда, гдѣ можно на него посмотрѣть. На балъ-мобилѣ онъ нисколько не лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Тѣже, скорѣй странныя, чѣмъ соблазнительныя позы, тѣ же прыжки съ тѣми же странными вывихами.

Все это давно уже приняло окаменѣлыя и стереотипныя формы.

Юные адепты этого современнаго танцо Пирра вносятъ достойный удивленія порядокъ въ этотъ хаосъ.

Теперь существуютъ особенные ординарные профессора для этого искусства; прежде они вдохновенно отплясывали на сценѣ.

Эти добродѣтельные наставники юношества обучаютъ искусству толкаться въ обществѣ, не попадаясь въ руки полиціи.

Такимъ образомъ по опредѣленію строгой дидактики помянутый танецъ есть только символъ, воспоминаніе, идолъ, принятая оргія. Онъ неприличенъ въ особенности потому, что здѣсь мысль соединена съ своевольствомъ. Въ сущности же онъ менѣе неприличенъ чѣмъ извѣстный *полу*

тактный вальсъ (Walzer im Zweiviertel–Tact), принятый одобрительно въ высшихъ, кругахъ, и выполняемый съ пристрастіемъ на семейныхъ вечерахъ; точно также, какъ фанданго, балеро и мазурка, публично выполняемыя на театральной сценѣ.

Привѣтствую тебя, молодая Ирида, съ твоею пробуждающеюся миною и съ твоимъ снѣго-подобнымъ передникомъ.

Куда идешь ты такъ поспѣшно съ своимъ вѣчнымъ букетомъ въ рукѣ. Ты проталкиваешься во всѣ группы и шепчешь каждому на ухо какое-го таинственное заманчивое слово.

Какъ тяжка работа продающей цвѣты! Она предлагаетъ, если я неошибаюсь, каждой танцовщицѣ одинъ и тотъ же букетъ.

Букетъ остается неизмѣняемымъ, такъ какъ продающія его женщины слишкомъ перемѣнчивы.

Этотъ букетъ цвѣтовъ несовсѣмъ обыкновенный: его непокупаютъ, его только разсматриваютъ, любуются имъ и продающая его женщина довольна.

Можно однако и не до такой степени простирать свое безкорыстіе и все таки торговля пойдетъ блестяще: когда не достаточно обнюхать привѣтствіе, но не мѣшало бы его прочитать— мѣняются съ вами карточками.

Какою простою и душистою рѣчью вѣетъ отъ резеды и фіалки.

Вотъ идутъ двѣ дамы, ревностнѣйшія заступницы, покровительницы и дорогіе гости баль-мобиля.

Хозяинъ заведенія кланяется имъ и жандармъ удостоиваетъ ихъ особеннаго вниманія.

Вотъ уже восемь дней, какъ онѣ сдѣлались неразлучными подругами и останутся такими, покрайней мѣрѣ, еще на всю ближайшую недѣлю, если только нестанетъ посреди ихъ спорный любовникъ, и не обратитъ неразлучныхъ друзей въ заклятыхъ враговъ.

Одна изъ нихъ съ открытой головой и голыми руками принадлежитъ къ породѣ гризетокъ. Это значитъ она еще не промѣняла лѣвый берегъ Сены на Жоржъ-плацъ, счастливую мечту молодой Аспазіи улицы де–ля Гарпъ.

Другая занимаетъ высшую ступень и успѣла уже разорить многихъ.

Она живетъ въ элегантной части города, и съ ея стороны было бы распущенностью подражать художнической небрежности студентки.

Самостоятельная дама танцуетъ здѣсь не иначе, какъ со шляпой на головѣ и обернутая въ длинную шаль, концы которой достигаютъ до пятъ и взметаютъ благородную пыль.

Такимъ образомъ эта шаль для новѣйшей афинянки замѣняетъ платье со шлейфомъ.

Но кто это приближается къ этимъ дамамъ и кланяется имъ съ комическимъ выраженіемъ глубокаго почтенія. Его платье и въ особенности жилетъ съ широкими разводами не допускаютъ никакого сомнѣнія на счетъ его провинціальнаго происхожденія.

Едва успѣвши прибыть, этотъ провинціальный господинъ чувствуетъ уже потребность ослѣпить своимъ блескомъ слабую бабочку и соединить гдѣ нибудь (или когда нибудь) свое чувствительное сердце съ другимъ не менѣе чувствительнымъ.

На этихъ дамъ или по крайней мѣрѣ на одну изъ этихъ дамъ онъ обратилъ свои взоры, онъ не ошибся въ расчетѣ!

Онъ началъ разговоръ вкрадчивымъ голосомъ и чрезвычайно остроумными и вѣрными замѣчаніями, что очень жарко, что послѣ танцевъ дамы должны чувствовать жажду, что и онѣ вѣроятно испытываютъ на себѣ это.

Послѣ этого вступленія онъ предложилъ имъ чѣмъ нибудь подкрѣпиться.

Къ этому онъ остроумно прибавилъ, что если онъ не умѣлъ ихъ разгорячить такъ, какъ самъ не силенъ въ остроуміи, то да будетъ позволено ему ихъ по крайней мѣрѣ прохладить.

Гризетка также какъ и лоретка охотно приняли предложеніе и пили и ѣли не стѣсняясь широкой рукой. За тѣмъ эти дамы безъ церемоніи соглашались на приглашеніе провинціала и онъ, торжествующій ведетъ ихъ въ ближайшую бесѣдку. Тамъ въ перемежку съ пѣніемъ происходитъ слѣдующій разговоръ:

Лоретка (поетъ).

«Я совсѣмъ непохожа на святошу:
Я люблю вино и лакомый кусочикъ!

Провинціалъ.

Извините меня мадамъ, если я васъ перерву на минуту. Не позволите-ли вы мнѣ предложить вамъ что нибудь? на примѣръ аршаду или сахарной воды.

Лоретка.

О какъ это гадко!

Гризетка.

Отъ этого, пожалуй, стошнитъ.

Лоретка. (Поетъ дальше.)

Ради Бога неподливай мнѣ воды въ вино.
А лучше, налей мнѣ абсенту, ей!
Гарсонъ! стаканъ рому!

Гризетка.

А я буду пить абсентъ, Альфредъ сегодня получилъ деньги по векселю. Эту ночь нужно провести по веселѣе!

Провинціалъ (глядитъ на нихъ съ изумленіемъ):

«Чертъ возьми—вотъ рѣдкіе прохладительные напитки—ромъ и абсентъ!»

Лоретка (поетъ).

Я живу на векселя,
Изъ которыхъ ни одинъ не оплоченъ,
Долговъ у меня, какъ песку въ морѣ.
Но это меня ни сколько не стѣсняетъ.

Провинціалъ.

«Вы должно быть хорошо знакомы съ экзекуторомъ, мадамъ. А пѣсенка очень мила!»

Лоретка.

Неправда-ли, monsieur. Ее сочинилъ одинъ изъ моихъ поклонниковъ. —.Она съ солью. Ты его знаешь Бланка—это остроумный маленькій Гонтромъ.

Вотъ пришелъ экзекуторъ съ своими бумагами
И хотѣлъ описывать мое имущество.

Но онъ увидѣлъ меня до такой степени муже-
ственною и хладнокровною
Что едва могъ унести ноги.

Гризетка.

Экзекуторъ едва унесъ ноги. Это забавно!

Провинціалъ.

Очень забавно! Въ какое осиное гнѣздо я попалъ?

Кельнеръ приносятъ ромъ и абсентъ.

«Неугодно-ли вамъ сигаръ»?

Лоретка.

— «Еще-бы!»

Гризетка.

По пяти су за штуку, но не тѣхъ, что ты подавалъ недавно, понимаешь, малютка?

Провинціалъ (совершенно теряясь).

«Какъ, вы курите?»

Лоретка.

«Да, немного.»

Гризетка.

«Конечно!»

Лоретка.

Однако откуда сюда залѣзъ этотъ верблюдъ:
Въ какомъ парникѣ выращена эта юная трава.

Провинціалъ (внѣ себя).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, обѣ онѣ принадлежатъ Парижской преисподней.

Дамы закуриваютъ свои сигары. Лоретка начинаетъ новую пѣсню, но она заглушается оркестромъ.

ГЛАВА VI

Дамы въ Café-chantant.

Постоянно увеличивающееся количество заведеній, извѣстныхъ подъ именемъ Café-chantant служитъ вѣрнымъ признакомъ возрастающей страсти Парижанъ къ музыкѣ. Лѣтомъ они помѣщаются въ Елисейскихъ поляхъ. Съ наступленіемъ осени они переносятъ своихъ пенатовъ и пюпитры съ нотами по большей части на бульвары, въ предмѣстья и въ Палерояль. Здѣсь за чашкой кофэ и за бутылкой пива находятъ удовлетвореніе своимъ артистическимъ наклонностямъ мелочные лавочники, rentiers, молодые прикащики и судейскіе писаря, всѣ посѣщающіе Консерваторію, или императорскую музыкальную Академію, а также тѣ, которые могутъ ходить въ оперу на Тамплерскомъ бульварѣ только по праздничнымъ днямъ.

Облитые жгучимъ свѣтомъ полудюжины лампъ, проходили мы ведущую къ святилищу колоннаду, подымаемся на 2 лѣстницы и входимъ въ громаднѣйшій залъ, гдѣ гости, говоря безъ преувеличенія, сидятъ такъ тѣсно, какъ сельди въ бо-

ченкѣ. Вся эта публика болтаетъ, смѣется, пьетъ, слушаетъ и куритъ.

Здѣсь находятся много дамъ, во всякомъ случаѣ, какъ видно, хорошо освоившихся съ табачнымъ запахомъ.

Когда разрываются громадные клубы табачнаго дыма, одѣвающаго столы и людей голубоватымъ покровомъ, или когда по крайней мѣрѣ глаза наши привыкаютъ къ нимъ, тогда можно разглядѣть на заднемъ планѣ зали эстраду и на ней 5 гурій въ бальныхъ платьяхъ—это примадонны этой табачной академіи; недалеко отъ нихъ помѣщается піанистъ, который съ надлежащею ловкостью бьетъ по клавикордамъ.

Paris ist voller Thalbergs.

На какую ни посмотришь даму—всѣ они хороши или покрайнѣй мѣрѣ пріятны. Es sind darunter viertel, sogar halbe Talente: wahrscheinlich Absetzer des Conservatoriums oder Accessisten vom vierten Range.

Привычный глазъ видитъ тотчасъ, что у этихъ кафейныхъ и пуньшевыхъ сиренъ все расчитано на туалетъ и на лукавство.

Марго цвѣтущая дѣвушка, бродитъ безпрерывно изъ залы на эстраду и обратно. Громадные букеты цвѣтовъ, грудами лежащіе у ногъ этой богини доказываютъ, что къ ней и здѣсь, какъ

въ Императорской Академіи, относятся съ восторгомъ и горячими симпатіями.

Такъ какъ здѣсь нѣтъ обыкновенія бросать бу-

кеты, то это привѣтствіе пересылается чрезъ надежные руки—Ириды-Марго, продавицы цвѣтовъ.

Въ сторонѣ виднѣются нѣсколько львовъ, съ настоящими гривами; во всякомъ случаѣ присутствіе ихъ въ этомъ романтическомъ подвалѣ имѣетъ другія,—не музыкальныя цѣли.

Что касается собственно публики, то она совершенно беззаботна: она пьетъ и аплодируетъ.

Прибитый у входа писанный листъ бумаги содержитъ програму вечера; по ней гости узнаютъ, какіе отрывки будутъ выполнять госпожи Пальмира, Анжелина, Розальба и Аврора.

Другая, менѣе приличная афиша, даетъ знать гг. любителямъ музыки, что закуски дешевле 50 сантиновъ неотпускаются, впрочемъ для смягченія этого знаменитаго предписанія, цѣны составлены такимъ образомъ, что каждый можетъ обойти предписанный минимумъ. Другая часть этого драконовскаго закона предписываетъ гостямъ *брать новыя порціи* для каждаго отдѣленія концерта.

Дамы по порядку, обходятъ гостей и собранныя ими деньги дѣлятся потомъ между ними, соразмѣрно по ихъ жалованью.

Чрезвычайно грустно видѣть, какъ эти милыя созданія въ великолѣпныхъ пышныхъ головныхъ уборахъ, камчатныхъ платьяхъ и горностаевыхъ мантильяхъ бродятъ отъ стола къ столу, собирая въ корзину изъ подъ сухарей грязныя мѣдныя деньги. Это самый жалкій родъ нищества

съ цвѣтами въ волосахъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ.

Персоналъ труппы набирается по образцу другихъ драматическихъ заведенiй.

Сначала является младая пѣвица романсовъ, которая выходитъ опустивъ глаза въ землю; она клянется въ вѣчной любви Виктору или Павлу.

За ней слѣдуетъ Дива, пѣвица *руладъ*. Потомъ Соколь, дочь Кастилiи, драматическая пѣвица альтомъ, несчастная Леонора и возлюбленная прекраснаго Сигизмунда.

Далѣе Дугацанъ, комическая пѣвица; она постоянно забрасывается букетами цвѣтовъ, когда поетъ Schnellwalzer-tempo:

«Милая Гетти-брюнетка,
Адельгонда—моя блондинка» и т. д.

Наконецъ парадная пѣвица, вторая Деяцетъ:

«Евгенiя гордый корабль,
«Украшенный множествомъ разноцвѣтныхъ вымпеловъ
«Отправляется къ берегамъ Италiи
«Гдѣ цвѣтутъ цвѣты и женщины!»

Во всемъ этомъ, строго говоря, нѣтъ музыки, но только нѣкоторое подобiе ея. Программа состоитъ изъ пошлыхъ романсовъ или изъ очень *трудныхъ* пiесъ, которыя непонятны для большинства публики. Между этими прiѣзжими труппами по-

лувиртуозовъ иногда встрѣчаются такія личности, которыя при большей обработкѣ голосовъ, могли бы занять видное мѣсто на театральной сцѣнѣ. Не смотря на успѣхъ этихъ представленій (успѣхъ ничего недоказываетъ), все таки на нихъ нельзя смотрѣть какъ на школы для музыкальнаго образованія массъ народа. Всего лучше и выгоднѣе было-бы какъ для предпринимателя, такъ и для посѣтителей, если-бы кто нибудь открылъ большое Café, гдѣ хорошія кушанья и напитки подавались бы по умѣренной цѣнѣ и гдѣ вмѣсто многихъ знаменитостей 1-й величины собирающихъ на свои шелковыя платья—были-бы ангажированы 2 дюжины хорошихъ хористовъ, которые за 50 су входной платы выполнили-бы прекрасный ансамбль изъ піесъ французской, нѣмецкой и итальянской школы. Это было бы понятно и оцѣнено, и народъ, который любитъ простое и возвышенное, вскорѣ бы отвыкъ отъ пеленокъ. А то онъ по необходимости отравляется поддѣльнымъ напиткомъ, такъ какъ ему не предлагаютъ благороднаго вина.

ГЛАВА VII.

Устарѣвшія лоретки и ихъ наслѣдницы.

«Не надоѣдай мнѣ, мама—ступай лучше на рынокъ»!

Эта фраза бросаетъ мрачный, но къ сожалѣнію достаточно яркій свѣтъ на нижніе слои смѣющагося міроваго города, переполненные пороками и нечистотами всякаго рода.

Да это правда!

Цѣлыя поколѣнія, цѣлыя плеяды человѣческихъ созданій родятся, жувутъ и умираютъ, безъ всякаго понятія о нравственности, о болѣе разумной жизни.

Здѣсь мать и дочь гнетутъ и развращаютъ и высасываютъ другъ друга.

Червь разврата установилъ между ними грустное равенство.

Первыя, матери, въ старости дѣлаются служанками тѣхъ, кого онѣ сформировали подобно себѣ. Вторые стыдятся своей беременности и считаютъ ее развратомъ и алчны иногда къ день-

гамъ до такой степени, что мать, полная ненависти, продаетъ свои лохмотья, идетъ просить милостыню, и предостерегаетъ того, кто подаетъ ей, словами: «да сохранитъ Богъ вашихъ сыновей отъ моей дочери».

Эта трагедія разыгрывается въ веселомъ Парижѣ каждый день.

Счастливымъ можетъ назваться тотъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, который неузнаетъ опять въ этой подавленной стыдомъ и несчастіями женщинѣ— свою первую любовь.

Въ наслѣдницахъ тотъ-же самый развратъ также неумолимый, хотя, какъ кажется, не съ такимъ мрачнымъ оттѣнкомъ.

Но наружность обманчива.

Наслѣдницы тѣже лоретки, но только еще неустарѣвшія и должны разсматриваться съ точки зрѣнія общенія сердца и кармана.

Для вѣрной обрисовки этихъ милыхъ созданій художникъ-писатель, конечно, не осмѣлится слегка относиться къ нимъ: онъ долженъ попасть въ сердце и потомъ анатомировать его.

Покровъ, за которымъ скрывается житье-бытье этой Парижской Гуріи долженъ быть снятъ и разорванъ рукой, незнающей пощады.

Прежде были обманщики и обманутыя или, какъ принято говорить: обольстители и обольщенныя. Хотя и тогда любовь была продажна, но ее

все таки называли любовью и тщательно скрывали ея алчную, корыстолюбивую сторону; она давала покупщику нѣкоторый вѣсъ и въ добавокъ нѣкоторое количество увлеченія.

Кто бывалъ обманутъ при этой куплѣ, Богъ знаетъ;—по крайнѣй мѣрѣ тогда странности нѣсколько лакировались: невѣрность прикрывалась притворствомъ, порокъ вѣжливостью.

Въ прежнее время мы видѣли, какъ лоретки обманывали своихъ глупыхъ покровителей — занимательное зрѣлище того, какъ обманутая невинность надувала суетность старика: это была комедія, но не драма.

Въ то время или лоретки были лучше или мы были простодушнѣе. Теперь мы далеко отъ этого.

Теперь торгъ производится открыто. Въ этой игрѣ нѣтъ уже ни вѣроломства, ни обмана. Та и другая сторона знаютъ отлично другъ друга.

Напримѣръ. Для лоретки стараго времени, вынужденной объясниться съ своимъ забавнымъ покровителемъ, ничего нестоило разорвать облако основательной ревности такого рода поэтическимъ возваніемъ: Какъ? меня подозрѣвать? Но, развѣ ты незнаешь, что всякая женщина должна гордиться тобой и сочтетъ за счастіе принадлежать тебѣ Альфредъ! Этому Альфреду не менѣе 70 лѣтъ и онъ ходитъ съ костылемъ.

Тѣмъ не менѣе онъ обольщается этимъ возбуждающимъ признаніемъ.

Теперешнія лоретки дѣйствуютъ такимъ образомъ:

Альфреду только 45 лѣтъ; она на 25 лѣтъ моложе годами, но за то на 25 лѣтъ богаче опы-

томъ. Его необманываютъ уже; гораздо важнѣе то, что онъ самъ хочетъ чтобъ его обманывали и не разъ; онъ на это не обращаетъ вниманія.

Здѣсь дама занимаетъ оборонительное положеніе; она пробуетъ плакать и лепечетъ: «Я не люблю тебя больше!»—Ты не любишь меня больше? переспрашиваетъ тотъ флегматически: «нѣтъ Памела — эта роскошь будетъ тебѣ не по средствамъ.»

Лоретка возражаетъ на это:

«Чѣмъ больше я на тебя гляжу, тѣмъ больше я его люблю.»

Это что называется, дѣйствительно честно и откровенно. Порядочные люди теперь не покупаютъ уже заглазно. Поэтому любовники такого рода уже не бранятся и небросаютъ другъ другу въ голову лопатами или кочергами.

Количеству любви и вѣрности ведется бухгалтерской счетъ и всѣ доставляемые товары носятъ штемпель фабриканта.

Другая прелестная Физима изъ квартала Бреда отвѣчаетъ своему ворчливому Додо сухимъ бухгалтерскимъ тономъ: «съ тѣхъ поръ какъ мы живемъ съ тобой—ты мнѣ еще ничего не подарилъ кромѣ маленькой собачки и букета въ 10 су—такъ хорошо же и я буду любить тебя на 10 су и на столько, на сколько стоитъ маленькая собачка.

Откровенно сказано и звучитъ какъ оплаченный вексель и такъ какъ Додо нечувствуетъ себя удовлетвореннымъ этою любовью, то ему—остается только преклониться и принести еще другую собачку.

ГЛАВА VIII.

Актрисы.

Многіе, ослѣпленные блескомъ, окружающимъ актрису, думаютъ, что она ведетъ безпрерывно веселую жизнь.

Многія бѣдныя созданія, возвратившись изъ театра домой, въ свои чердаки и подвалы, мечтаютъ о жемчугѣ, бриллiянтахъ, вышитыхъ золотомъ пышныхъ нарядахъ; въ фантазіи видятъ, какъ ихъ осыпаютъ аплодисментами, деньгами, поклоняются имъ, похищаютъ ихъ; но на самомъ дѣлѣ никто незнаетъ, что актриса *живетъ настоящей собачьей жизнью.*

Каждое представленіе Флорина 2 или 3 раза переодѣвается и возвращается домой совершенно изнуренной и почти полумертвой.

Она должна бѣлиться, румяниться и пудриться, когда она играетъ роли 18-го столѣтія.

У ней едва хватаетъ времени перекусить что нибудь, пообѣдать рѣдко удается.

Актриса можетъ ѣсть или говорить, какъ ей угодно, во время своей игры (на сценѣ). Флорина по возвращеніи съ представленія должна привести въ порядокъ свой туалетъ или отдать наставленія для этого.

Она ложится въ постель около 2-хъ часовъ утра и должна встать какъ можно раньше, чтобы успѣть повторить свою роль, привести въ надлежащій порядокъ и примѣрить свои платья; потомъ она завтракаетъ, читаетъ любовныя письма, отвѣчаетъ на нихъ, условливается съ предводителемъ клакеровъ (хлопальщиковъ).

Если Флорина захочетъ подобно другимъ горожанкамъ подышать чистымъ воздухомъ за городомъ—она должна просить о позволеніи.

Эти простыя механическія занятія ничто въ сравненіи со сплетнями, съ горестью оскорбленнаго самолюбія, съ пренебреженіемъ театральнаго поэта, съ хлопотами и непріятностями по выбору, назначенію роли, съ злостью причиняемою ей соперницей, съ придирками директора и критика—со всѣми тѣми затрудненіями, для разрѣшенія которыхъ не хватаетъ дня.

Какъ ни значительно жалованье актрисы, его бываетъ недостаточно для покрытія издержекъ театральнаго туалета, который кромѣ костюмовъ

требуетъ громадное количество перчатокъ и башмаковъ.

Одна треть жизни актрисы проходитъ въ нищенствѣ, вторая для пріобрѣтенія куска или корки хлѣба, послѣдняя треть въ самосохраненіи жалкихъ остатковъ безполезно для себя прожитой жизни — все работа, одна только механическая работа.

Вотъ письмо маленькой актрисы Бернардины къ своей подругѣ madmoiselle Валеріи, драматической артисткѣ театра Целестинъ въ Ліонѣ.

«Тра-ла-ла! Да здравствуетъ дирекція.

«Пишущая эти строки, подруга твоего дѣтства и консерваторіи, которую ты называла своей маленькой синей сливой, короче твоя Бернардина (дѣлай книксенъ) дебютировала вечеромъ въ прошлую пятницу на настоящемъ театрѣ въ Парижѣ.

«Я ангажирована! Я сама едва вѣрю тому, что пишу теперь къ тебѣ этими прекрасными розовыми чернилами. Я даже ущипнула себя, что бы убѣдиться, что все это происходитъ на яву. Мое имя напечатано въ прибитыхъ повсюду афишахъ и я останавливаюсь на углу каждой улицы, чтобы прочесть: мадемуазель Бернардина выступитъ на сцену въ «Рокамболѣ« и въ «Пожарной трубѣ.» Какъ это бросается въ глаза! Увѣряю тебя это производитъ эффектъ поражающій! Несмѣйся надо мной или я не разскажу тебѣ больше ничего.

«На меня это такъ сильно подѣйствовало, что я задыхаюсь и готова была отворить окно и закричать: «послѣдняя новость! Блестящій дебютъ въ театрѣ m-lle Бернардинъ!!

«Но довольно. Тебѣ, конечно, хочется знать на какомъ театрѣ я дебютировала; даю тебѣ 10 минутъ сроку для отгадыванія и ты все таки не отгадаешь.

«Начинаю по порядку. Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись съ тобой въ послѣдній разъ полгода тому назадъ, я находилась въ безотрадномъ положеніи.

«Совершенно безъ занятій, безъ средствъ.

«Съ провинціей я не хотѣла больше имѣть никакого дѣла—тамъ я на половину отупѣла—я отправилась въ Парижъ. Повѣришь ли милая Валерія, что надо мной смѣялись въ лицо, когда я объявила свое имя и мое намѣреніе здѣсь фигурировать. Кушниль спросилъ меня, нѣтъ-ли у меня министра въ карманѣ; Формель серьезно потребовалъ газетной рекомендаціи.

«Я указала ему на фельетонъ Сенскаго Аргуса, гдѣ я была вознесена до небесъ и также стихотвореніе, въ которомъ я была воспѣта г. Эммануэль.

«Онъ пожалъ плечами и такъ какъ онъ принялъ во мнѣ участіе, то и предложилъ мнѣ мѣсто Коломбины въ Ріо-Жанейро.

«Какъ странно все устроено на свѣтѣ: мнѣ было 20 лѣтъ; я была не дурна, умѣла одѣваться и вообще вовсе не была вороньимъ пугаломъ, имѣла необходимыя познанія въ музыкѣ и словесности и не смотря на все это я должна была сдѣлаться праздно-шатающейся на цѣлыя шесть мѣсяцевъ.

«Хочешь-ли ты, чтобы я описала тебѣ всѣ эти путешествія по святымъ мѣстамъ на богомолье для пріобрѣтенія ангажемента, которыя я совершала на подобіе вѣчнаго жида?

«Представь себѣ, что твоя маленькая подруга аккуратно каждый день должна была на своихъ нѣжныхъ ножкахъ взлѣзть на четыре лѣстницы, въ новой шляпѣ и тѣсныхъ башмакахъ и обѣгать всѣ театральныя учрежденія.

«Меня теперь пробираетъ дрожь, когда я вспомню, что я вынесла.

«Ужасные часы проводила я элегантно одѣтая, сидя на стулѣ въ темной комнатѣ театральнаго швейцара, вдыхая въ себя испаренія кухонной печи.

«За деньги я получала позволеніе ожидать прибытія директора или возможность передать ему мою карточку.

«Въ это время, проходившіе мимо меня актеры и актрисы, съ беззаботными лицами останавливались на порогѣ, съ любопытствомъ и насмѣш-

ливо осматривали меня съ головы до ногъ и отъ нечего дѣлать, зѣвая, спрашивали: «нѣтъ-ли чего нибудь для меня, швейцаръ»? (Mutter Dingskirchen).

«Ужасные часы! жестокое испытаніе! Въ гимназіи не было доступа къ богу съ густыми бакенбардами; въ театрѣ Варьете́ только деревянныя лица—самъ директоръ на водахъ. Г. Дормёль въ Пале-Рояль сначала принялъ меня за другую, а на другой день принялъ другую за меня—по этому я ни за что не хотѣла съ нимъ условливаться.

«Вездѣ переговоры велись со мной съ чрезвычайной вѣжливостью, такъ что когда мнѣ отказывали, не многаго не доставало для того, чтобы я считала себя за великую и извѣстную актрису.

«Въ заключеніе я толкнулась въ Мело-театръ, но увы!—kein Organ für zwei Solo.

«Тогда мнѣ повстрѣчалась Берта, ты знаешь, Берта, которая была въ труппѣ Денидора.

— Ты здѣсь? спросила она меня.

— Какъ видишь!

— Какое счастіе! А гдѣ ты живешь?

«При этомъ вопросѣ я такъ неестественно дико засмѣялась, что Берта, схвативши меня за руку, закричала:

— Пойдемъ сей-часъ же къ моему директору.

«Черезъ часъ я выходила уже изъ кабинета директора, ангажированная на два года.

«Сколько радости, увлеченія!

«Ты, милая Валерія, знаешь, что я не притворяюсь и ничего не скрываю отъ тебя. Мы съ тобой вмѣстѣ испытали всякую всячину, и по этому ты поймешь, если я скажу, что я какъ будто обновилась, воскресла. У меня уже ничего не оставалось ни продать ни заложить: лучшее платье я продала, а остальное было заложено у разныхъ кумушекъ улицы Кондэ. У меня буквально ничего неоставалось кромѣ пары хорошенькихъ полусапожекъ, въ которыхъ я завѣщала похоронить меня въ случаѣ смерти.

«Вотъ мысль! Какъ будто бы не все равно въ чемъ и гдѣ ни похоронятъ?

«Да, силы мои были истощены. У меня осталась только частица моего нравственнаго чувства и—гордость. Хотя и странно это—но, моя гордость возрастала вмѣстѣ съ несчастіемъ: впрочемъ это была единственная защита обломковъ моего нравственнаго существованія противъ всевозможныхъ обидъ и заушеній.

«Теперь, сердце мое, Валерія, я должна сообщить тебѣ, какой изъ театровъ былъ на столько счастливъ, что могъ завладѣть моей личностью.

«На одномъ изъ бульваровъ, на какомъ незнаю, есть совершенно за-ново отдѣланный домъ, вверх-

ху его надпись: сценическія представленія. Это хорошенькій, свѣженькій, смѣющійся театрикъ (бѣло-серебряно-золотой). Во вторникъ онъ отрылся представленіемъ волшебной піесы подъ названіемъ «Глупыя затѣи» и «Принца Сотния;» ее можно также назвать или Фортунатусъ или Босфорскіе вечера. Эта піеса, какъ двѣ капли воды похожа на другія піесы въ этомъ родѣ и обратно множество другихъ піэсъ имѣютъ неотъемлемое сходство съ «Глупыми затѣями.»

«Мнѣ ужасно хочется знать, какъ отзовутся журналисты объ этой піэсѣ. А покамѣстъ я пишу тебѣ мой личный разборъ піэсы.

«Первое дѣйствіе происходитъ въ фотографіи. Мы въ числѣ шести или семи отправляемся туда, чтобы снять съ себя карточки. Наши костюмы достаточно воздушны, такъ что въ партерѣ всѣ остаются довольны Мы составляемъ живописную группу, съ одной рукой сложенной за голову, съ полу-закрытыми глазами и полу-открытымъ ртомъ. Фотографъ болтаетъ, что ему придетъ въ голову; его помощникъ называется объективомъ. Когда мы устаемъ стоять, то начинаемъ танцовать и пѣть».

«Во второмъ дѣйствіи мы послѣ и танцуемъ въ кустарникѣ (гдѣ недостаетъ только ресторраторскаго стола). Фотографъ превращается въ Анакреона, объективъ называется Комусомъ (балъ

веселья и пировъ). По теперешней модѣ перемѣшаны всѣ роли и полу-роли какъ Аполлонъ, Эпикуръ и султанъ Бельбула и всѣ одинаково кривляются предъ публикой и всѣ одинаково осыпаются аплодисментами.

«Въ третьемъ актѣ мы опять таки поемъ и танцуемъ. На заднемъ планѣ виденъ дворецъ въ Помпейскомъ вкусѣ. Изъ подъ земли выходятъ какіе-то существа, изъ которыхъ однако нужно нѣсколько человѣкъ принять за идею, другаго за Атлантическій канатъ, третьяго какъ лѣто Альказара.

«Я одѣта въ газовую юпку и переминаю ногами, задѣвая пятку о пятку.

«Въ продолженіи послѣднихъ двухъ картинъ, также какъ и прэжде, поютъ и пляшутъ.

«Словомъ, и Глупыя затѣи принца Сотина—хорошенькая піэска. Здѣсь ты ни къ чему не придерешься. А какъ она была съиграна! Еще бы, вѣдь здѣсь участвовала одна молодая особа, по имени Бернардина, которая въ самое короткое время сдѣлается значительностью. Она была дьявольски увлекательна и многіе куплеты ее заставили повторить по 2 раза.—Не правда-ли, я хорошій тоалетчикъ?

«Только одно обстоятельство, милая Валерія, смущаетъ спокойствіе твоего маленькаго друга. Всѣ мои подруги играютъ на сценѣ для кого ни-

будь. Видно, какъ они тайкомъ пересмѣиваются съ ложами, бросаютъ взгляды одобренія въ галлерею. Одна только я ни для кого не играю и каждый разъ сердце мое болѣзненно сжимается. Это слабость, которую теперь знаешь ты одна.

«Но пустяки! За этимъ у меня дѣло не станетъ.

«Не забывай своей подруги. Пиши мнѣ скорѣе о вашихъ новостяхъ.

«Что вышло изъ Жоржа?

Твоя Бернардина.

P. S. Сейчасъ получила письмо, ты неугадаешь отъ кого.»

ГЛАВА IX.

Ех-Актриса.

Содержаніе этой главы не совсѣмъ радостно. Мы просимъ многоуважаемаго читателя послѣдовать за нами въ верхнюю ложу надъ оркестромъ.

Тамъ онъ увидитъ бывшую знаменитость, Ирму Оберъ, 55 лѣтнюю актрису. Она все еще не дурна, —туалетъ ея полонъ вкуса.

Глаза ея обращены на сцену—она съ насмѣшливой миной наблюдаетъ за всѣми движеніями молодой дебютантки; она держитъ у своего рта носовой платокъ, который защемила губами. Рядомъ съ нею сидитъ ея подруга.

Ирма (тихо).

Какія не естественныя позы, фальшивыя, поддѣльныя жесты? Это кукла, какой голосъ! Въ ней ничего нѣтъ самобытнаго. (*Въ театрѣ раздается громъ аплодисментовъ. Ирма перегибается чрезъ барьеръ ложи, аплодируетъ сильнѣе чѣмъ другіе и громко кричитъ: отлично! превосходно*)!

Подруга.

Это не дурно.

Ирма.

Пожалуста не мѣшай мнѣ—дождемся каково будетъ четвертый актъ. Тебѣ не нуженъ твой бинокль? Дай-ка я посмотрю (*она лорнируетъ дебютантку*). Во свою жизнь я невидала такой негритянки: она смугла, какъ уголь. Признаюсь, цѣнное пріобрѣтеніе. Этотъ алмазъ не слишкомъ чистой воды.

Подруга.

— Ей кажется не болѣе 18 лѣтъ.

Ирма.

— А между тѣмъ она ангажирована для главныхъ ролей. Въ этомъ возрастѣ едва еще начинаютъ выговаривать «папа и мама.» Ахъ, я также играла главныя роли, могла бы и теперь, еслибъ захотѣла. Но, тише! вотъ она начинаетъ входить въ свою роль.—О, какъ это пошло!

Подруга.

— За чѣмъ ты сама оставила театръ?

Ирма.

— Да, почему? потому что я была убѣждена, что опять ангажируютъ, что безъ меня несладятъ;

я думала, что вмѣстѣ съ моимъ отсутствіемъ изчезнетъ успѣхъ, талантъ и красота сцены.

— Теперь ты видишь, какъ я ошиблась! Я закапризничала—и мнѣ предоставили возможность капризничать сколько я хочу. Я подала въ дирекцію просьбу объ отставкѣ и дирекція очень просто на другой же день прислала мнѣ отставку на большомъ листѣ бумаги. Цѣлую недѣлю я неотходила отъ окна: я ждала депутаціи, думала, что меня будутъ упрашивать остаться. Но увы! они и не думали обо мнѣ, трусы и неблагодарные! Въ какомъ нибудь предмѣстьѣ нашли они эту молоденькую дѣвчонку, которой съ сегодняшняго вечера переданъ весь мой репертуаръ.

Подруга.

— Но ты могла бы поступить куда нибудь въ другое мѣсто.

Ирма.

— Куда же, въ провинціи? Но тамъ имѣетъ успѣхъ только одна опера, въ театръ Porte-Saint-Martin или въ Gaîté, гдѣ полнѣйшее непониманіе искусства и арлекинадство? И когда я вспомню, что здѣсь я каждый разъ выручала, во время своей игры, по 6,000 тысячъ фр.; какъ они отъ меня наживались! Всѣ мужчины въ театрѣ были всегда во фракахъ и бѣлыхъ галсту-

кахъ; сюртуковъ не было видно даже на галле-реяхъ.

— Во время антракта ко мнѣ довольно часто навѣдывался самъ министръ съ своими поздравленіями. Ха! вотъ это была слава!

Голосъ изъ партера.

— Тише, вы тамъ,—въ ложѣ надъ оркестромъ.

Ирма (смотря внизъ въ бинокль):

— Кто это тамъ распоряжается, кому это говорятъ?

Подруга.

—Намъ; тебѣ;—ты говоришь слишкомъ громко.

Ирма.

— Скотина! Назадъ тому 10 лѣтъ онъ постоянно толкался у театральнаго подъѣзда, что бы мнѣ аплодировать. Въ его спальнѣ, я знаю, и теперь еще виситъ моя фотографическая карточка; но намъ пора идти. Теперь во Франціи нѣтъ болѣе комедій.

ГЛАВА X.

На ту-же тему.

Да, имъ есть на что жаловаться — этимъ отставленнымъ отъ театра актрисамъ. Пожалѣемъ ихъ отъ всего сердца, ибо жизнь ихъ вполнѣ безполезна и безцвѣтна. Имъ не возвратить и не замѣнить ничѣмъ своего театра—ихъ любимаго запечка, гдѣ они родились нравственно и съ чѣмъ связано у нихъ воспоминаніе о лучшихъ сторонахъ жизни.

Между тѣмъ, мы знаемъ Эльвиру, которая нарочно вышла за мужъ за богача, чтобы имѣть возможность абонироваться въ комической оперѣ, мы видѣли ее рыдающей, исполненной скорби и печалей, она завидуетъ ничтожной фигуранткѣ съ 50 франками мѣсячнаго содержанія—она предпочитаетъ ея положеніе положенію графини.

Мы видѣли Аманду въ ея загородномъ дворцѣ на берегахъ Сены и слышали, какъ она декламировала крестьянкамъ наиболѣе возвышенныя мѣста изъ «Митридата.»

Видали мы и другихъ.

Одна изъ актрисъ, вышедшихъ за мужъ за рантье или мелкаго буржуа встрѣчаются тогда съ своими старыми подругами; они рады и тому что имѣютъ возможность пожать руку старой подругѣ.

Другія, болѣе застѣнчивыя и опечаленныя, запираются въ своемъ кабинетѣ; тайкомъ вынимаютъ они изъ сундука платья прежняго времени и одѣваются, какъ бы на представленіе. Но справедливый Боже! какъ они похудѣли—платье виситъ у нихъ на плечахъ и болтается около таліи. Они расхаживаютъ взадъ и впередъ и рисуются предъ зеркаломъ. Они выступаютъ съ важностью впередъ и декламируютъ слова прощенія, проклятія, ненависти, за тѣмъ дѣлаютъ шагъ назадъ и говорятъ въ сторону или разражаются громкимъ смѣхомъ. Но вдругъ вспоминаютъ они о мѣстѣ и времени, останавливаются, припадаютъ къ своему старому сундуку и плачутъ (если могутъ).

ГЛАВА XI.

Уборная Актрисы.

Всякій знаетъ Шарлотту, неимѣющую соперницъ въ роли первой любовницы.

Въ прошлый понедѣльникъ, когда мы шли по улицѣ Св. Томаса — насъ вдругъ кто-то окликнулъ. Мы оглядѣлись. Въ окно втораго этажа кивала намъ Шарлотта.

Мы стояли предъ тѣми дверьми театра «водевиль,» въ которую входятъ актрисы. По гадкой лѣстницѣ, имѣвшей на каждомъ изгибѣ длинныя и темныя площадки, взобрались мы во второй этажъ, гдѣ ждала насъ Шарлотта.

Мы никогда не могли понять—отчего театральныя лѣстницы такъ гадки и не опрятны и почему дирекція за кулисами окружаетъ себя нечистотами. Шарлотта провела насъ въ свою уборную, значившуюся подъ № 19-мъ. Это маленькая комнатка, не больше какой нибудь ванной; она была обита малиновымъ бархатомъ—вмѣсто ванной въ ней былъ диванъ.

Меблировка комнаты состояла изъ большаго зеркала, шкафа, сундука съ туалетными принадлежностями, столика для лампы и раззолоченнаго кресла.

Кругомъ на стѣнахъ были развѣшаны портреты другихъ актрисъ—подругъ Шарлотты съ автографическими посвященіями ей.

Ея собственнаго портрета, напротивъ, вовсе не было въ комнатѣ; это нѣкоторымъ образомъ доказывало ея хорошій вкусъ.

Она пригласила насъ сѣсть и у насъ начался разговоръ:

Шарлотта.

— Васъ что-то совсѣмъ невидно, хотите, будемте пить вмѣстѣ кофе?

Мы.

— Съ удовольствіемъ, но подъ условіемъ что бы вы не стѣснялись при насъ одѣваться.

Шарлотта.

— Я только что хотѣла попросить вашего дозволенія на это. (Она садится на стулъ предъ туалетнымъ столикомъ, освященномъ 2-ма лампами.

Мы.

— Что вы играете сегодня вечеромъ?

Шарлотта.

— Вѣчную «Розиту.» Дирекція хочетъ дать сотню представленій этой піэсы (*она пудритъ лицо*).

Мы.

— Такимъ образомъ вамъ на цѣлые три мѣсяца предстоитъ страшно-утомительная перспектива — ежедневно нѣсколько часовъ сряду изображать все одни и тѣже сцены—полныя страстей, обмороковъ и человѣческихъ заблужденій?

Шарлотта.

— Каждый день, кромѣ воскресенья, (*растираетъ пудру заячьей лапкой*).

Мы.

— Ахъ, бѣдняжка, васъ нельзя непожалѣть.

Шарлотта.

Пожалой что-такъ; (*она беретъ кисть и обмакиваетъ ее въ порошекъ сухихъ красокъ*).

Мы.

По всѣй вѣроятности вамъ приходится часто проклинать свое положеніе?

Шарлотта.

Видите-ли: если-бы объ этомъ спросилъ меня кто нибудь другой, а не вы, я пожалуй стала-

бы жаловаться и притворяться, что желала-бы удалиться отъ свѣта со всѣми его дрязгами и въ какомъ нибудь безвѣстномъ уголкѣ земли заняться выращиваніемъ капусты, но—я бы лгала!— Гдѣ моя щеточка для бровей!

Мы. (Предупредительно).

Не она-ли это!

Шарлотта.

Очень благодарна. Я люблю искусство выше всего на свѣтѣ и понятно почему.—Я постоянно играю въ пьесахъ Жоржъ-Занда, Эмиля Огье, Альфреда де Мюссе, Дюма-сына, Октава Фелье. Кромѣ того мнѣ хорошо платятъ и я пользуюсь отличнымъ здоровьемъ.

Голосъ. (Издалека).

Юліана, глупая индюшка, скоро-ли придешь? Каналья.

Мы.

Что это такое?

Шарлотта.

Это Лаура—она зоветъ театральную парикмахершу.

Г. Мусидоръ. (полуотворяя дверь уборной).

Шарлотта, маленькая Шарлотта! Готовы-ли вы? Намъ пора идти внизъ. (*Шумно изчезаетъ*).

Шарлотта.

Сію минуту. (*Приносятъ кофе*). Поставьте его здѣсь на столикъ. (*Раздается звонъ театральнаго колокола*).

Г. Роже (Режиссеръ).

Мадмуазель Шарлотта;—уже началось.

Шарлотта.

Уже?

Роже.

Мы и такъ опоздали на 12 минутъ.

Шарлотта.

Будьте такъ добры Г. Роже—извѣщайте меня время отъ времени о ходѣ пьесы. (г. Роже исчезаетъ).

Голосъ. (Издалека).

Юлія—глупая индюшка—покажешься-ли ты наконецъ?

Мы (смѣясь).

Это опять таки, все та же мадмуазель Лаура?

Шарлотта.

Она.

Мы.

Вамъ пора идти.

Шарлотта.

Зачѣмъ-же! Распивайте преспокойно вашъ кофе—у меня есть много кой-чего разсказать вамъ. И отчего вамъ не подождать? Первый актъ невеликъ, а потомъ я свободна до третьяго.

Роже. (Снаружи).

M-lle Щарлотта!

Шарлотта.

Что такое?

Г. Роже.

Ты знаешь, что я болѣе всего думаю о твоемъ счастьѣ.

Шарлотта.

Ладно. Я одѣваюсь. (*Къ намъ*). И такъ это рѣшено, вы остаетесь и дожидаетесь меня.

Мы.

Съ удовольствіемъ. Только ловко-ли это будетъ?

Шарлотта.

На счетъ этого не безпокойтесь—сюда никто не придетъ кромѣ моей горничной.

Г. Роже (Входя).

Какъ, вы еще безъ шляпы? Поторопитесь-же, поторопитесь!

Шарлотта.

Что тамъ такое теперь?

Г. Роже.

День твоей свадьбы, мое дорогое дитя.....

Шарлотта.

Чортъ возьми! Уже пора, нужно идти.

Мы.

Что-же, пототоропитесь!

Г. Роже.

Вы должны выйти въ перчаткахъ.

Шарлотта.

Да (*осматриваетъ себя*) не прислать-ли вамъ сюда газетъ?

Мы. (Обиженно).

О, вовсе нѣтъ!

Г. Роже.

Почти насильно уводитъ ее и мы остаемся одни.

Отъ нечего дѣлать мы съ провинціальнымъ любопытствомъ начали разсматривать уборную; перечитали всѣ ярлыки на флаконахъ. На мгновеніе промелькнула у насъ мысль испытать одно изъ этихъ «молодящихъ средствъ» на своей соб-

ственной персонѣ, но этотъ припадокъ тщеславія скоро прошелъ предъ боязнію быть застигнутыми въ расплохъ на мѣстѣ преступленія.

Мы вблизи разсмотрѣли всѣ портреты и сняли со стѣны портретъ M-lle Рашель, для того что-бы прочитать собственноручную надпись этой великой и знаменитой актрисы.

Мы прочли откровенныя и многозначительныя слова:

«*Шарлоттѣ, въ знакъ дружбы и высокаго уваженія, истинной артисткѣ, которая удостоиваетъ меня чести называться моей ученицей. Я ея учительница! Обѣ мы обязаны одному только Богу.*»

Рашель.

Въ это мгновеніе мы увидѣли входящую Берту.

ГЛАВА XII.

Горничная актрисы.

Берта—горничная Шарлотты—это понятливая и лукавая дѣвушка. Она съ честью продолжаетъ и поддерживаетъ минувшую славу знаменитыхъ прислужниковъ.

Я убѣжденъ, что рано или поздно, но все таки закрадутся ей въ голову честолюбивыя мысли и она откажется отъ своей лакейской должности въ виду болѣе блестящаго призванія.

Назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, при насъ, она просила у своей госпожи позволенія показываться иногда на заднемъ планѣ сцены между нѣмыми персонажами, называемыми: «приглашенные».

Къ несчастію Шарлотта дала ей это позволеніе.

Берта.

Ахъ, это вы!

Мы.

Какъ видишь, Берта.

Берта.

Отчего вы не въ театрѣ, вѣдь игра уже началась.

Мы.

Я знаю это, Берта, но мнѣ хотѣлось лучше остаться здѣсь и дождаться твоей госпожи.

Берта.

А, это со всѣмъ другое дѣла (*кто—то стучится въ дверь*) войдите.

Театральный Капельдинеръ.

Два письма Госпожѣ Шарлоттѣ.

Берта.

Хорошо. (*Капельдинеръ уходитъ*). Берта придвигаетъ лампу, преспокойно усаживается и вскрываетъ письма.

Мы. (Съ удивленіемъ).

Что это ты дѣлаешь?

Берта.

Какъ видите, читаю письма, адресованныя моей барышнѣ. Это просьбы о билетахъ, приглашенія, (весело) ха, ха! это опять онъ!

Мы.

Развѣ она поручила тебѣ заботу о своей корреспонденціи?

Берта.

Да, она просила меня сдѣлать для нея это одолженіе на все время, пока будетъ играться «Розина».

Мы.

Зачѣмъ-же это?

Берта.

Роль чрезвычайно истощаетъ ее; она вся занята своей ролью. Поэтому она и просила меня, по возможности не мѣшать ей, и не отвлекать ее вниманія отъ піесы. Вы, конечно, знаете, что актеръ,—со всѣмъ не то, что писатель—тутъ дѣло идетъ о полнотѣ чувства и очеркахъ его выраженія: поэтому актеру нужно остерегаться мелочнаго размѣна.

Мы.

— Это правда, Берта.

Берта.

—По необходимости они должны сдерживаться, чтобы сохранить въ себѣ хоть что нибудь—а то каждый безъ жалости выброситъ за окно выдохшійся букетъ.

Мы.

— Именно.

Берта.

— Уже цѣлые три мѣсяца распечатываю я здѣсь или дома всѣ письма, адресованныя M-lle Шарлоттѣ; тѣ изъ нихъ, которые ничтожны или сплошь пріятны по содержанію — показываются ей, другія я задерживаю.

Мы.

— Какъ, задерживаешь?

Берта.

— Да,—они сообщаются ей послѣ, когда будетъ можно.

Мы.

— А вѣдь правс., не дурно придумано; но между тѣми—другими письмами бываютъ чай письма съ такимъ и сякимъ содержаніемъ? а?

Берта (холодно).

— Да, разныя бываютъ письма!

Мы.

— Ну, а если письмо требуетъ необходимаго, немедленнаго отвѣта?

Берта.

— Что же, я отвѣчаю.

Мы.

— Ты отвѣчаешь!..

Берта.

— M-lle облекла меня полнымъ довѣріемъ; она знаетъ, что то, что я сдѣлаю—сдѣлаю недурно.

Мы.

— Ну, въ этомъ и я, также какъ она, несомнѣваюся, но...

Берта.

— Есть здѣсь на примѣръ одинъ господинъ, который пишетъ намъ аккуратно каждый день. Конечно, его письма лежатъ у меня въ карманѣ. Но, со всякимъ нужно обойтись съ уваженіемъ, какъ слѣдуетъ, даже съ мужчиной, не правда-ли?

Мы.

— Да, Берта, даже и съ мужчиной.

Берта.

— Я настрочила ему письмецо, которое, по моему мнѣнію, вышло не дурно. Пожалуй, если хотите, я не прочь прочесть вамъ его; оно еще не отправлено на почту.

Мы.

— Оно съ тобой?

Берта.

— Вотъ оно. Какъ видите, оно написано на листѣ гербовой бумаги—это для того чтобы придать большую важность его содержанію.

Мы.

— Посмотримъ что такое.

Театръ-водевиль, Канцелярія дирекціи.
Парижъ, 20 Марта 1870 года.

Милостивый Государь.

Хотя я вообще не имѣю обыкновенія отвѣчать на любовныя письма, адресуемыя моей госпожѣ, но, не въ примѣръ прочимъ, дѣлаю исключеніе изъ этого правила, собственно для вашей милости, такъ какъ, по слогу вашихъ писемъ, вижу, что вы искренно любите мою госпожу, милостивый государь! Эта любовь большое для васъ несчастіе! да, очень большое несчастіе. Какъ точная служанка и изъ особеннаго участія къ вамъ считаю своею обязанностію сообщить вамъ слѣдующее: M-lle Шарлотта въ настоящее время за

мужемъ уже въ третій разъ. Она мать семерыхъ дѣтей, для прокормленія которыхъ едва хватаетъ получаемаго ею содержанія. Относительно ея моральныхъ качествъ сообщаю вамъ, что она страдаетъ ревматизмомъ, кромѣ того она, раздѣтая, представляетъ изъ себя совершенное подобіе фигурамъ, выставляемымъ на показъ въ окнахъ бандажныхъ магазиновъ.

Вмѣстѣ съ симъ имѣю честь быть, съ полнымъ уваженіемъ къ Вамъ, М. Г. вашей покорной и преданной слугой.

Берта Бругиканъ,

Горничная М-lle Шарлотты, Примадонны Императорскаго водевиль-театра

Берта.

— Ну!

Мы.

— Написано превосходно, но содержаніе не отрадно.

Берта.

— Ну вотъ еще! Если бы мы выслушивали всѣхъ, то театръ скоро бы былъ закрытъ.

Голосъ (изъ далека.)

— Юліана, животное! скоро ли ты придешь?

Берта.

— Ахъ, это значитъ актъ скоро кончится. М-ме Лаура хочетъ прижигать свои волосы. Ужасно злобна эта госпожа Лаура.

Мы ничего не возражали. Возвратилась Шарлотта. Берта поднесла ей стаканъ сиропу изъ шелковичныхъ ягодъ.

ГЛАВА XIII.

Приготовительницы головныхъ уборовъ.

Недавно какъ то мнѣ пришлось обѣдать у Г-жи де-Кларонъ.

Эта дама живетъ въ первомъ этажѣ одного изъ домовъ улицы Вивьенъ.

Въ первомъ же этажѣ дамы, находящагося какъ разъ напротивъ, помѣщается мастерская и магазинъ модныхъ товаровъ. Тамъ въ рабочее время виднѣются молодыя шляпочницы, сидящія у длиннаго стола; тамъ приготовляются маленькія, хорошенькія шляпы. Лишь только онѣ бываютъ готовы, ихъ сносятъ внизъ, въ лавку; тамъ, за зеркальными стеклами, развѣшиваются онѣ на длинныхъ палкахъ изъ краснаго дерева, имѣющихъ удивительное сходство съ нѣкоторыми Англичанками, пріѣзжающими зачѣмъ-то въ Парижъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ.

Въ этотъ вечеръ мнѣ нужно было повидаться съ мадамъ де-Кларонъ. Послѣ обѣда я остался

одинъ въ салонѣ, потому что мадамъ де-Кларонъ ушла одѣваться.

Я усѣлся въ покойное кресло, около окна, лежавшаго прямо напротивъ заведенія и принялся за наблюденія, не будучи видимымъ.

Въ мастерской было восемь молоденькихъ и не дурныхъ собой дѣвочекъ, изъ которыхъ однѣ казались утомленными и вялыми, другія, напротивъ, съ веселыми лицами, болтали и пѣли. Казалось, что они вовсе не обращали вниманія на матеріи, лежавшія передъ ними на столѣ: вѣроятно, эти госпожи только что пообѣдали и наслаждались послѣобѣденнымъ кейфомъ.

Одна изъ этихъ дѣвушекъ казалась задумчивой и сосредоточенной, тогда какъ другія были вѣтряными и сумасбродными. По мѣсту, занимаемому ею и въ особенности по ея серьозному лицу можно было догадаться, что она была директрисой, т. е. главной мастерицей и закройщицей.

Она задумалась надъ шляпой, поэтической, импровизированной шляпой, созданіемъ ея собственной фантазіи, такой шляпой, которая была бы въ пору только одной головѣ изъ всѣхъ мірскихъ головъ; она никогда не видала этой головы, но тѣмъ не менѣе объ ней мечтала.

Одной рукой она поддерживала склонявшуюся внизъ отъ множества объявшихъ ее мыслей, голову, другая рука сонно висѣла вдоль стула, какъ

бы доказывая этимъ, что теперь духовная ея сторона вполнѣ преобладаетъ надъ физической.

Въ этомъ положеніи она пробыла нѣсколько минутъ, потомъ внезапно обратилась къ столу, съ живостью схватила кусокъ лиловаго газа, передъ ней лежавшаго, не разъ примѣрилась къ нему, разсмотрѣла его со всѣхъ сторонъ, переворотила его и сложила, образовавъ различныя формы, затѣмъ развернула его, растянула у себя на колѣняхъ и вдругъ, схвативши ножницы, начала рѣзать.

Мысль перешла въ дѣйствіе.

Она сказала: «да будетъ шляпа!» И будетъ!

Однако завершеніемъ творенія нужно было поторопиться: можно было расчитывать только на одинъ часъ, приходившаго къ концу рабочаго дня. По призыву мастерицы всѣ молодыя дѣвушки принялись за работу, каждая за удѣленную ей часть общей задачи.

Одна должна была сдѣлать полъ шляпы, другая форму, та руло, эта обшивку.

Съ симпатіей смотрѣлъ я на то, какъ взапуски одна передъ другою работали ловкія работницы, на ихъ фехтованье длинными иглами и ножницами.

Черезъ какихъ-нибудь ¼ часа всѣ грубыя работы по сооруженію шляпки были сдѣланы. Оконченное по порядку сдавалось директрисѣ. Только

ей, истинному художнику и архитертору, подобило сплотить разбросанные элементы въ одно цѣлое, вдохнуть жизнь, придать форму и тѣмъ привести мысль свою въ исполненіе.

Ловкая шляпочница укрѣпила форму и полъ шляпки на кардонной головѣ, бывшей у нея на колѣняхъ; затѣмъ она сплотила между собой эти двѣ важныя части головнаго убора посредствомъ нѣсколькихъ швовъ иголкой. Далѣе, черезъ нѣсколько мгновеній ловкіе пальцы художницы уже одѣли газомъ оживающій скелетъ въ различныхъ живописныхъ складкахъ, наконецъ они же устроили между поломъ и формой миловидный двойной бордюръ.

Все это произведено чрезвычайно быстро и съ невѣроятною скоростію.

Молоденькія дѣвочки, выполнившія каждая свою отдѣльную задачу, слѣдили любопытными и внимательными глазами за занимательной работой— какъ ихъ отдѣльныя выполненія принимали видъ одного гармоническаго цѣлаго. Между тѣмъ шляпочница, вся погруженная въ свое твореніе, шутя подвигала его дальше. Она подняла шляпку на своей рукѣ въ вышину, сдѣлала ею полукругъ, осмотрѣла ее со всѣхъ сторонъ, обращая ее вправо и влѣво, время отъ времени нажимая другой рукой на край пола, она выправляла складки газа, придавая такимъ образомъ совершенство, соразмѣрность и красоту всему дѣянію.

Но это было еще не все.

Впереди была важнѣйшая и труднѣйшая часть задачи.

Теперь дѣло шло о томъ, чтобы нанести въ надлежащее ему мѣсто букетъ цвѣтовъ.

Всякій, кто только можетъ понять, пойметъ теперь, что наступила рѣшительная минута, что отъ искусства прикрѣпленія букетовъ цвѣтовъ или перьевъ зависитъ вся судьба шляпки. Да, тутъ есть объ чемъ подумать!

Во всей мастерской господствовало напряженное молчаніе.

Въ глазахъ молоденькихъ дѣвушекъ, обращенныхъ на шляпу, выражалось боязливое вниманіе.

Но наша художница не потеряла присутствія духа.

Подъ ея творческой рукой смѣшались маленькіе хлѣбные колосья, васильки, маковый цвѣтъ съ лоскутьями газа, соединились въ восхитительныя связки и съ удивительной привлекательностью бросились внизъ съ правой стороны шляпки.

Затѣмъ съ величайшею осмотрительностію поставила она хрупкій головной уборъ на краю стола, скрестила руки, и откинулась въ своемъ креслѣ.

На лицѣ молодой женщины отпечаталось неописанное удовольствіе; вѣроятно она думала: «я довольна; мысль моя осуществилась.»

Но минута раздумья и наслажденія продолжалась не долго.

Она встала, подошла къ зеркалу и позвала одну изъ молоденькихъ дѣвочекъ.

Появилась восхитительнѣйшая, плутовская головка изъ всѣхъ, какія только бывали видимы

на балъ-мобилѣ. На эту хорошенькую головку, въ видѣ пробы, была надѣта шляпка.

Маленькая шляпка какъ нельзя болѣе была къ къ лицу восхитительному дитяти и встрѣчена была всеобщимъ одобрительнымъ сочувствіемъ.

Плутовка со шляпкой на головѣ была такъ хороша и такъ нравилась самой себѣ, что не хотѣла снимать убора, и поддерживая его концами пальцевъ у себя на головѣ, она принялась танцовать передъ зеркаломъ.

Напослѣдокъ все таки она должна была разстаться со своей шляпкой.

И наконецъ, когда были пришиты банты, ее сослали внизъ, въ лавку, гдѣ ее помѣстили въ первомъ ряду отъ уличныхъ оконъ, на подставкѣ изъ краснаго дерева.

Наша прекрасная шляпочница привела въ порядокъ свой, нѣсколько потерпѣвшій, при работѣ, туалетъ, тщательно причесала волосы, взяла шаль, шляпку и—вышла.

Я провожалъ ее глазами до улицы Кольбера. Тамъ стоялъ на часахъ высокаго роста молодой человѣкъ. Онъ былъ хорошъ собой, на немъ были усы и шпоры. Онъ довѣрчиво протянулъ ей руку и оба они скрылись изъ виду.

Теперь понятны увлеченіе и художественность ея въ работѣ—ей предстоялъ счастливый вечеръ.

Она такъ хорошо выполнила свою задачу и чувствуетъ внутри такое довольство и радость,

что намъ остается только пожелать ей счастливаго пути, куда бы она ни пошла съ своимъ другомъ.

Она заслужила свою прогулку и свое счастье.

ГЛАВА XIV.

Модистки.

Пальцы магазинщицъ въ большихъ модныхъ магазинахъ не исколоты иголками; они занимаются торговлею и принимаются знатными домами въ прекрасныхъ салонахъ.

Теперешнія мадмуазели этого рода одѣты и причесаны по послѣдней модѣ. Онѣ приглядны, какъ лоретки; у нихъ такія же хорошенькія, нѣжныя руки, волочащаяся походка и разслабленный голосъ. Ихъ разговоръ постоянно обращенъ на моды и платья прекрасныхъ покупательницъ съ ихъ экипажами. Ахъ, съ какой завистью смотрятъ онѣ на эти послѣднія. Каждый разъ, когда госпожа Антонина провожаетъ свою покупательницу — у нея вырывается болѣзненное рыданіе. И въ самомъ дѣлѣ — у ней такая благородная осанка, она постоянно одѣта какъ знатная дама или кокетка; незнающій ее при встрѣчѣ на улицѣ непремѣнно скажетъ: «Это или герцогиня или магазинщица.»

Однако, прежде чѣмъ они были приставлены къ продажѣ — они складывали тафту и скручивали шнурки. Въ мастерской они и не мечтали о возможности теперешняго ихъ счастія. Въ мастерской не такъ-то хорошо.—Въ углу комнаты, въ большомъ, обнесенномъ рѣшоткою сундукѣ, сидятъ мамзели, доставляющіе необходимыя для шляпъ вещества. Въ серединѣ большой столъ изъ краснаго дерева, за которымъ для каждой работницы уготовано особенное мѣсто. На верхнемъ концѣ его царитъ директриса, которая здѣсь еще ужаснѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ; она считается такъ необходимой для дѣлъ, что ей даны неограниченныя полномочія. Время отъ времени въ ателье появляется и принципальша, и добродушно болтаетъ съ директрисой, при чемъ, передъ носомъ своихъ работницъ, потягиваетъ Бордоское вино со льдомъ или съ сухарями. Мадамъ—женщина отъ 30—40 лѣтъ, которые она тщательно скрываетъ и довольно сносно прикрываетъ. Одѣта она въ шелкъ, на рукахъ и въ ушахъ—алмазы.

Принципалъ, котораго обыкновенно называютъ не болѣе какъ супругомъ содержательницы магазина модныхъ товаровъ,—только владѣтельный князь въ этомъ маленькомъ королевствѣ.

Появленіе его въ ателье, что иногда случается по вечерамъ, заставляетъ учениц внимательнѣе всматриваться въ ихъ швы,—онъ человѣкъ бережливый и другъ порядка.

Нерѣдко случается, что эти молодыя дѣвочки находятъ себѣ любовниковъ, которые относятся къ нимъ серьозно или берутъ ихъ на содержаніе и вотъ они позже дебютируютъ на театрѣ или дѣлаются извѣстными по своему шику.

Если мы захотимъ зайти въ кварталъ Бреда, то найдемъ здѣсь особенную породу модистокъ, не слишкомъ совѣстливыхъ относительно своихъ знакомствъ. Здѣсь, въ окнахъ, прилично обставленныхъ всѣмъ необходимымъ, комнатокъ выставляется множество шляпокъ и женскихъ головокъ.

Эти работницы, переодѣтыя, но не маскированныя лоретки; въ каждой складкѣ ихъ позы открыто сказывается ихъ сущность, глаза у нихъ на губахъ; они смѣются, а взглядъ ихъ говоритъ: «слѣдуйте за мной, молодой человѣкъ!»

Мы не обошли и пассажа Сомонъ, тѣхъ лавокъ для провинціалокъ, магазинщицы которыхъ хотя и посѣщаютъ церковь аккуратно каждое воскресенье, но тѣмъ не менѣе въ царствѣ изящества и модъ занимаютъ второе мѣсто.

Въ каждой лавкѣ запасъ готовыхъ шляпъ; есть бѣлыя, украшенныя майскими цвѣточками, померанцевыми цвѣтами или гусиными перьями. Эти шляпы назначаются для новобрачныхъ всей парижской окрестности; другія розоваго, зеленаго или голубаго цвѣта, съ розами, служащими украшеніемъ и пр.

Изъ этой блестящей массы цвѣтовъ и оттѣнковъ, бантовъ и искусственныхъ цвѣтовъ покупательница можетъ выбирать какъ ей угодно. Однако смѣясь и шутя сдѣлать этого они не могутъ, потому что шляпа пусть она будетъ маленькой, даже микроскопической, все-таки во всякомъ видѣ она будетъ составлять важнѣйшую часть туалета женщинъ, и на ней должны быть или розовая почка, или листочикъ искуственнаго золота или фіалка или какія-нибудь остроконечія.

Бюферонъ сказалъ: «стиль человѣка—это онъ самъ!» Съ большею справедливостью можно сказать: «шляпка женщины это она сама!» Да, шляпка и ботинки, о которыхъ мы скоро будемъ говорить. Всякій знаетъ, что это справедливо для самыхъ крайнихъ точекъ земнаго шара: вездѣ женщина сначала узнается по конечностямъ.

Дѣвушки пассажа Сомонъ не то что выше описанныя нами дѣвушки, увлекательно прелестныя съ уступчивыми волосами и съ матовымъ цвѣтомъ лица. Онѣ обыкновенно время своего обученія проводятъ въ маленькихъ лавкахъ полотняныхъ товаровъ и позже уже поднимаются до фантастическихъ шляпъ.

Эти дѣвицы не гнушаются выхвалять свои товары, частенько видишь ихъ у дверей магазина; они держатъ свое мастерское произведеніе между большимъ и указательнымъ пальцемъ своей руки и показываютъ видъ что любуются имъ,

для того чтобы дать возможность другимъ любоваться ими.

«Посмотрите-ка, мадамъ!» говорятъ онѣ голосомъ, переходящимъ въ фальцетто.

И если ожидаемая покупательница, остановившись на мгновеніе, опять продолжаетъ свой путь, ничего не отвѣчая, то она не преминетъ прибавить къ этому:

«Какая гордячка эта дама!»

Эти дѣвочки не мечтаютъ о томъ, чтобы сдѣлаться герцогинями. Для ихъ счастья достаточно маленькаго собственнаго хозяйства и обыденной любви.

Искусственныя цвѣты, вѣнчающіе вершины шляпъ пассажа Сомонъ работаются на цвѣточныхъ фабрикахъ улицъ Серъ и Бурбонъ-Вилльнефъ.

ГЛАВА XV.

Цвѣточницы.

Цвѣточница — опять особый типъ.

Она обыкновенно старинная ученица заведенія; она не продаетъ, но помогаетъ продажѣ, она служитъ примѣромъ для покупателей.

Рано утромъ выходитъ она изъ дому въ легкомъ шерстяномъ платьѣ, шляпкѣ съ цвѣткомъ пазади, плохой черной шали, на рукѣ у нея корзинка съ двойнымъ завтракомъ. Въ 8 часовъ вечера возвращается она обѣдать къ своимъ родителямъ. Послѣдніе нерѣдко содержатъ незначительныя меблированныя комнаты или маленькую кухмистерскую. Они хотятъ, чтобъ дочь ихъ, не имѣющая возможности расчитывать на какое-нибудь приданое, откладывала нѣсколько денегъ изъ своего ежедневнаго заработка въ 3 фр.

Такимъ образомъ она избѣгаетъ той опасности, которой подвергаются дѣвушки, выставляемыя въ отеляхъ и ресторанахъ, но избѣгаетъ ли она вмѣстѣ съ этимъ и всѣхъ другихъ?

Этого нельзя предполагать, потому что большая часть этихъ дѣвушекъ выходитъ за-мужъ, уже любивши, за какого-нибудь гравера, бронзовщика и т. под. ремесленника, который обыкновенно дѣлается примѣрнымъ супругомъ.

Парижская цвѣточница въ высшемъ смыслѣ работаетъ на большихъ цвѣточныхъ фабрикахъ въ улицѣ Ришелье, Шуазель и на Новой-Августинской. Женщины, умѣющія съ полнымъ вкусомъ одѣваться въ шелкъ, алмазы и бархатъ ставятъ ихъ въ первый разрядъ мастерицъ по производству модныхъ товаровъ. Ахъ, я зналъ такихъ дѣвушекъ, обладавшихъ красотой, достойной поклоненія и съ замѣчательно изящными манерами. Одни изъ нихъ натолкнулись на неподдѣльную любовь и вышли за мужъ за героевъ своихъ романовъ—другія, проживши какіе нибудь два лѣта на великолѣпной загородной дачѣ, умерли затѣмъ, брошенныя, отъ тоски и горя. Эта порода дѣвушекъ можетъ еще умирать отъ любви, и это потому, что онѣ много надѣялись, многимъ завладѣли, иногда много любили, а потомъ вдругъ въ одинъ день были низвергнуты съ высоты убаюкивавшаго ихъ счастія. Я часто вспоминаю объ одной миленькой, блѣдной и стройной дѣвушкѣ, которую въ лавкѣ называли «дамой-камеліей,» потому что ее представляли себѣ подобной героинѣ Дюма—сына; эту, какъ и ту, звали Маргаритой. Ее медленно съѣдала грудная болѣзнь, медленнѣе,

чѣмъ бы она сама желала: она была брошена сыномъ одного богатаго Парижскаго купца. Она умерла въ одно прекрасное утро, оставивши послѣ себя дитя на память своему вѣроломному обольстителю.

Печальна судьба этихъ дѣвушекъ, которыя упиваются цвѣтами и умираютъ отъ цвѣтовъ; Большая часть цвѣточницъ умираютъ молодыми, вслѣдствіе вредныхъ испареній цвѣтовъ.

ГЛАВА XVI.

Свѣтовой кабинетъ.

Свѣтовой кабинетъ, это маленькая четырехъугольная комната безъ оконъ; мебель состоитъ здѣсь изъ дивана, обитаго зеленымъ бархатомъ, туалетнаго столика вмѣсто зеркала; въ серединѣ ея столикъ для лампы; свѣтъ изъ подъ колпака ея обрисовываетъ въ живыхъ и нѣжныхъ формахъ дремлющія платья, которымъ на дняхъ суждено возбудить всеобщее удивленіе на министерскомъ балѣ или въ Итальянской оперѣ и которымъ въ оффиціальныхъ журналахъ изящества будетъ придано названіе восхитительныхъ туалетовъ.

Въ этотъ покой, который при входѣ кажется мрачнымъ, а затѣмъ отъ легкаго пожатія пальцемъ заливается моремъ свѣта—можетъ входить только главный комми съ покупателями. Лишь только онъ входитъ туда, кабинетъ облекается полнѣйшею таинственностью и дѣлается недоступнымъ для всѣхъ, не исключая и принципала. Над-

смотрщикъ магазина охраняетъ порогъ со строгостью часоваго и самому императору въ состояніи сказать:

«Сюда никому нельзя входить.»

Ходитъ много исторій о различныхъ приключеніяхъ, пережитыхъ нѣкоторыми господами и происшедшихъ отъ повторяющихся встрѣчь въ таинственномъ кабинетѣ.

На самомъ дѣлѣ это остается неразрѣшеннымъ, хотя едвали людская злонамѣренность неприбавляетъ ничего лишняго; къ тому же мужчины высшихъ круговъ были бы не совсѣмъ довольны, если бы знатныя дамы обратили въ своихъ любовниковъ всѣхъ прислуживающихъ имъ парикмахеровъ и прикащиковъ.

Если свѣтовой кабинетъ и имѣетъ дѣйствительно свои тайны, то они менѣе романтичны, хотя отъ этого не менѣе нѣжны. Здѣсь рѣчь идетъ о комми и о мамзели, которые выжидаютъ мгновенія, минуты, секунды, чтобы имѣть возможность проскользнуть въ кабинетъ. Дѣйствительно драгоцѣнна та минута, которую сердечная необходимость скрадываетъ у цѣлаго дня рабства!

Первый комми, не нуждающійся въ выгодахъ, доставляемыхъ свѣтовымъ кабинетомъ охотно, уступаетъ ихъ какому-нибудь изъ своихъ товарищей, лакомкѣ. Это безсовѣстный разрушитель добро-

дѣтели, если она только состоитъ въ наличности. Для этого представляется слѣдующее обстоятельство: Въ лѣтній и зимній сезонъ работницы приносятъ модели, которыя они подвергаютъ милостивому обсужденію полномочнаго судьи.

Г. С... разсматриваетъ модели, но въ одно и тоже время приносящихъ ихъ. Онъ обладаетъ, это можно подтвердить, одинаково тонкимъ вкусомъ и къ произведеніямъ изящнаго искусства и къ женщинамъ.

О, вы, феи иголки, если вы только стары, или безобразны или по крайней мѣрѣ недосягаемо добродѣтельны—вамъ всего легче избѣжать его взглядовъ. Ваша модель принята еще прежде чѣмъ вы явились съ нею. Напротивъ работницѣ, которая моложе, обольстительнѣе и болѣе нравится, а также изобрѣтательницѣ, ожидающей плодовъ отъ своей трудной работы—онъ сухо отвѣчаетъ:

Ваша модель не можетъ быть продана, она намъ нейдетъ!

Такимъ образомъ г. С. довольно дешево и вѣрно достигаетъ своей цѣли.

Тутъ фаворитка должна беречься! Ея фаворитизмъ также не постояненъ, какъ владычество турецкой султанши и можно побиться объ закладъ, что уже въ ближайшемъ сезонѣ она будетъ замѣнена новою прихотью.

ГЛАВА XVII.

Деревенская простота.

Большинство очерковъ изъ Парижской жизни караетъ вертопрашество Парижскихъ гулякъ и въ то же время изображаетъ честность и цѣломудріе жителей Сенъ-Дени. Эта статейка будетъ продолженіемъ Парижскихъ очерковъ,—въ ней я покажу, что добрые поселяне, — какъ ихъ благодушно называли назадъ тому двадцать пять лѣтъ,—теперь дошли уже до пониманія закона возмездія и вслѣдствіе этого не пропускаютъ случая «обдѣлать» столичнаго жителя.

Теперь достойно вниманія то обстоятельство, что прямодушная деревня Сенъ-Дени доставляетъ разнаго рода промышленныхъ героинь; о дѣяніяхъ одной изъ нихъ я буду имѣть честь доложить.

Я ни молодъ, ни старъ — ни богатъ, ни бѣденъ—живу приличной рентой.

Мои прекрасные бѣлокурые волосы мѣстами имѣютъ небольшіе просвѣты, въ родѣ лысинъ, но это почти незамѣтно...

Безъ сомнѣнія я, какъ и другіе люди, не изъятъ отъ недостатковъ; одинъ изъ нихъ, сознаюсь откровенно, — если это недостатокъ — нѣкоторая слабость къ прекраснѣйшей, увлекательнѣйшей, но въ то же время и вѣроломнѣйшей половинѣ человѣческой породы. Семь или восемь пятилѣтій, не дурно прожитыхъ, кажется должны бы были предохранить меня отъ этихъ увлеченій, но что дѣлать? — Я одержимъ болѣзнію и это въ тотъ возрастъ, когда чувство, также какъ и умъ, принимаетъ заднiй ходъ.

Въ послѣднее воскресенье вмѣстѣ со многими другими гулящими я былъ застигнутъ проливнымъ дождемъ; мы укрылись подъ воротами на бульварѣ. Здѣсь, скромно прислонясь къ стѣнѣ, стояла молодая дѣвушка, какъ казалось рѣдкой невинности: ей самое большое было 16 лѣтъ; восхитительной наружности; ея маленькія ножки были сжаты довольно тяжелыми башмаками; ручка, немного покраснѣвшая отъ холода, за неимѣніемъ перчатокъ, пряталась подъ бѣдную, короткую шаль; темное платьице и вмѣсто убора на головѣ просто чепчикъ, на которомъ было по крайней мѣрѣ на 3 франка голубыхъ лентъ, словомъ—всѣ аттрибуты добродѣтели. Невольно углубился я въ созерцаніе этой прекрасной особы и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что она не старалась избѣгать моихъ взглядовъ, но въ тоже время и не расплывалась подъ ними. Это понрави-

лось мнѣ и я заговорилъ о достойной сожалѣнія погодѣ, а затѣмъ перешелъ въ вопросительный тонъ. Тихимъ и кроткимъ голосомъ отвѣчала мнѣ, что она пришла по дѣламъ, хотѣла найти тетку, не нашла ее и теперь, при незнаніи парижскихъ улицъ и застигнутая ужасной погодой, она находится въ большомъ затрудненіи. Я вѣжливо предложилъ ей свою готовность нанять коляску, но она отклонила это предложеніе. Эта скромность мнѣ понравилась. Дождь наконецъ пересталъ и я пустился провожать восхитительную поселянку, пѣшкомъ—она такъ хотѣла—черезъ огромное, довольно грязное море улицъ, называемыхъ главнымъ городомъ. Лавки, въ которыя нужно было идти молодой особѣ, были заперты по случаю воскресенья.

— Ладно, сказала она—я должна быть здѣсь завтра рано утромъ.

— Куда же теперь вы идете?

— Я возвращаюсь обратно въ Сенъ-Дени, милостивый государь!

— Какъ такъ скоро?

— У меня мало свободнаго времени, мнѣ нужны 2 часа времени на дорогу.

— Вы хотите сказать—10 минутъ?

— Да по желѣзной дорогѣ, но я пойду по шоссе.

— Неужели? Съ такими ножками и въ такую погоду?

— Я всегда взадъ и впередъ—пѣшкомъ.

— На этотъ разъ я этого не потерплю. Я провожу васъ до желѣзной дороги и, если вы позволите, возьму для васъ билетъ.

— Ахъ, вы очень добры, милостивый государь.

Болтая такимъ образомъ дошли мы до станціи сѣверной желѣзной дороги.

— Вы не богаты, какъ видно?

— Да, какъ-то мало работы.

— Вы работница?

— Я шью корсеты.

— Вы живете у родныхъ?

— Да.

— Какъ васъ зовутъ?

— Эрнестиной.

При этомъ имени мнѣ вспомнилась Эрнестина, описанная мадамъ Биккобони. Она также восхитительна и повидимому имѣетъ всѣ шансы достигнуть такой же непоколебимой добродѣтели. Доказательство—неимѣніе перчатокъ, грубые башмаки и 4 мили пѣшкомъ. Мнѣ страстно захотѣлось не выпускать изъ вида молодой дѣвушки.

«Если она невинна, говорилъ я самому себѣ, то будь я проклятъ, если соблазню ее. Впрочемъ, я, кажется, не слишкомъ еще старъ.» Во всякомъ случаѣ нужно было узнать съ кѣмъ я имѣю дѣло.

— Сударыня—вы сказали мнѣ ваше имя—не угодно ли вамъ мою карточку. Если когда нибудь потребуется вамъ проводникъ или что нибудь другое, то я—къ вашимъ услугамъ, вы можете написать ко мнѣ.

— Да, м. г!

— Но, вы напишете?

— Да, м. г.!

— Или может быть зайдете ко мнѣ на квартиру?

— О, нѣтъ, м. г.!

— Почему же нѣтъ?

— Потому что неловко.

— Въ какое время завтра вы возвратитесь?

— Въ 10 часовъ.

— По желѣзной дорогѣ?

— Нѣтъ, пѣшкомъ.

— Этого я не могу допустить: вотъ билетъ въ Сенъ-дени, вотъ—деньги на обратный путь; но зачѣмъ вы такъ спѣшите?

— Меня будутъ бранить, если я опоздаю; моя мать собирается сегодня въ театръ, и въ Сенъ-Дени?

— Да; сегодня даютъ тамъ «Мраморную красавицу»—должно быть это очень хорошо.

— И вы пойдете вмѣстѣ съ матерью?

— Нѣтъ, я останусь стеречь домъ.

Бѣдная малютка, какъ она трогательна и покорна! Какъ она просто отвѣчаетъ?! Я продолжалъ:

— Зачѣмъ же вы стережете домъ?

— Моя мать платитъ за билетъ собственныя свои деньги и предоставляетъ мнѣ сдѣлать тоже, если я захочу.

— Значитъ у васъ своя собственная касса?

— Да, у меня *семь франковъ.*

Клянусь честью, она восхитительна!

— А что стоитъ вамъ театръ?

— Очень дорого—сорокъ су!

— Такъ; но у васъ остается еще сотня су.

— Это правда, м. г., но я не люблю сорить деньгами.

— *Браво*, сказалъ я самъ себѣ, какъ Альмавива она не корыстолюбива—тѣмъ лучше! Мадмуазель! вотъ вамъ 40 су—я не хочу чтобы вы стерегли домъ.

— Ахъ, вы очень добры, милостивый государь!

— Бѣдная дѣвочка!—видно—что она не «мраморная». Но всегда ли она будетъ такой?

— That is the question. (*)

— Теперь, сударыня, я спрошу васъ:—согласны-ли вы на завтрашнее свиданіе?

— Да, я согласна!

— Въ такомъ случаѣ... м-мъ въ 10 часовъ я буду дожидаться поѣзда.

— Зачѣмъ?

— Для того, чтобы проводить васъ въ Парижъ и такъ какъ будетъ еще довольно рано и вы уѣдете изъ дому безъ завтрака, то мы вмѣстѣ и позавтракаемъ.

— Въ ресторанѣ?

(*) Вотъ въ чемъ вопросъ (Гамлетъ).

— Конечно!

— Ахъ, это прелесть—я никогда еще не завтракала въ ресторанѣ. Но моя тетка?

— Вы послѣ зайдете къ ней.

— Но если меня заставятъ позавтракать дома?

— Скажите, что вы не голодны, или притворитесь только что ѣдите.

— Мнѣ притворяться?! О, какъ это тяжело!

— Теперь—мы порѣшили.

— На счетъ ресторатора? Это должно быть недурно!—Теперь, м. г., я сдѣлаю все возможное. Послышался первый свистокъ и моя сельская идиллія въ голубомъ чепчикѣ быстро юркнула въ вагонъ.

На слѣдующій день, само собой разумѣется, въ назначенный часъ я былъ на мѣстѣ; я вовсе не расчитывалъ на пунктуальность деревенской простушки, но хотѣлъ только, такъ сказать, счистить свою совѣсть и не нарушить всегда уважаемыхъ мною законовъ рыцарства. Къ немалому моему удивленію Эрнестина была пунктуальна и была одна изъ первыхъ въ той волнѣ путниковъ, которую наши 10 или 12 желѣзныхъ дорогъ каждую четверть часа извергаютъ на Парижскія мостовыя.

— Поскорѣе! сказала она — схвативши меня за руку—за мной есть кое-кто изъ Сенъ-Дени.

— Что это такое—голосъ-ли невинности или постыднаго паденія?

— Шаговъ въ пятидесяти отъ вокзала мы перевели духъ и я кивнулъ Цитадинѣ.

— Живо! сказалъ я: я усталъ и—пора завтракать.

— Она сѣла, не ломаясь; для полнаго ея успокоенія я задернулъ гардины.

— Куда? спросилъ кучеръ.

— Въ предместье Тампль!..

Лишь только молодая дѣвушка сѣла на мягкія подушки — лицо ея приняло смѣющееся небрежное выраженіе, какъ будто-бы она была маркизой и ѣздить въ колясках было для нея самое обыкновенное дѣло.

Мнѣ по сердцу была ея веселось; мимоѣздомъ я сообщалъ ей о мелькавшихъ мимо достопримѣчательностяхъ.

— Однако, куда же мы? спросила она вдругъ, какъ-бы пробуждаясь отъ сна.

— Какъ вамъ извѣстно — мы ѣдемъ завтракать.

— Ну, нѣтъ еще — мнѣ до 11 часовъ нужно зайти къ купцу, у котораго мы забираемъ полотно для корсетовъ. Я должна взять деньги у тетки и сдѣлать необходимыя закупки.

— А гдѣ живетъ ваша тетка?

— Въ форштатѣ С. Мартенъ №...... Но если туда пойду, она меня уже не отпуститъ.

— Гмъ—что же намъ дѣлать!

— Я, право, не знаю.

— Много она вамъ должна?

— Теперь около 20 франковъ?

— Вообще я мало вѣрилъ въ существованіе тетки и принялъ слова ея больше въ видѣ намека; я вынулъ изъ кармана 20 франковую монету и передалъ ей.

— Она покраснѣла немного и пробормотала:

— Сегодня вечеромъ я возвращу вамъ это.

— Я сдѣлалъ небрежный жестъ, который она поняла, потому что сказала:

— Вы очень добры, м. г.

Мои восторги начали ослабѣвать и меня начинало разбирать *сомнѣніе.*

— Кучеръ! вскричалъ я, въ улицу Лазаря, нумеръ...

— Семнадцатый! безстрастно добавила она: однако скажите ему, чтобы онъ остановился за угломъ — негодится, чтобы меня видѣли на извощикѣ.

— Я отдалъ необходимыя приказанія и черезъ нѣсколько минутъ мы остановились на углу улицы Лазаря.

— Скоро вы, или нѣтъ? спросилъ я привлекательную сельскую дѣвицу.

— Какихъ-нибудь четверть часа!

— Это долго!

— Я постараюсь поскорѣе, сказало восхитительное дитя съ прелестной улыбкой.

— Она вышла изъ коляски. Мнѣ пришло въ голову, что я сдѣлалъ глупость, но было уже поздно — молодая дѣвушка скрылась за угломъ улицы.

Я раскинулся въ коляскѣ и закурилъ сигэру. Я выкурилъ одну, другую, третью, и невинная Эрнестина все невозвращалась; я прождалъ ее болѣе получаса; затѣмъ, отпустивъ кучера, я пошелъ самъ въ № 17. Что же оказалось? Тамъ вовсе и не было полотняной лавки, а была цырюльня. Я плюнулъ па все и пошелъ завтракать одинъ. Положимъ, говорилъ я самъ себѣ, я истратилъ луидоръ, сдѣлалъ глупость и пр., но моя простота доказываетъ мое довѣріе и расположеніе къ людямъ и если я потерялъ отъ нея здѣсь, то могу выиграть въ другомъ мѣстѣ.—И несмотря на то, что я былъ одинъ—я позавтракалъ великолѣпно!

Но исторія этимъ не кончилась.

Вечеромъ слѣдующаго дня, когда я почти и позабылъ объ Эрнестинѣ, я получилъ письмо съ штемпелемъ Сенъ-Дени. Письмо, написанное выстраданнымъ почеркомъ и самой отчаянной орѳографіи, было отъ Эрнестины. Въ немъ было не менѣе 6 — 7 страницъ: она описывала свои приключенія. Она ошиблась въ №, не въ 17, а въ 27 жилъ полотнянщикъ; при покупкѣ у него товаровъ ей встрѣтилась тетка, которая спросила ее объ деньгахъ, обругала и утащила къ себѣ домой. Затѣмъ ее отправили въ омнибусѣ въ С.-

Дени, гдѣ она подъ угрозами и бранью должпа была сознаться, какимъ образомъ она получила деньги.

Теперь она сидитъ на хлѣбѣ и водѣ и подвергается всяческимъ оскорбленіемъ. Она просила по возможности скораго отвѣта, адресъ à M–lle E. poste restant. Она заключала письмо слѣдующей идиллической прибавкой. «Не осуждайте того, что продиктовало мнѣ мое сердце, не осуждайте моего горя, а извѣстите лучше, что и вы его раздѣляете вмѣстѣ со мной, тогда мнѣ будетъ легче.»

Тщеславіе — слабость сороколѣтнихъ, и я не былъ отъ него свободенъ. При первомъ чтеніи эти каракули защекотали мое самолюбіе, даже немного тронули. Но дальнѣйшія размышленія повернули меня въ другую сторону: требуемый отвѣтъ могъ быть принятъ какъ письменное доказательство связи, соблазненія невинности, былъ капканомъ, посредствомъ котораго меня хотѣли поймать. Я отвѣчалъ лаконически, письмомъ безъ подписи, гдѣ я писалъ, что не вѣрю ничему изъ написаннаго ею и отказываюсь отъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній. Но едва я послалъ свою сухую эпистолу, (*) какъ почувствовалъ угрызенія совѣсти. «Кто знаетъ, быть можетъ она права, быть можетъ она хорошая дѣвушка? Случай былъ

(*) Записку.

не правдоподобный, но возможный. Нужно навести справки. Я взялъ палку, шляпу и отправился въ улицу Лазаря, домъ № 27.

— Куда, милостивый государь? крикнула мнѣ привратница.

— Въ первый этажъ, къ купцу полотняныхъ товаровъ.

— Въ первый этажъ? тамъ живетъ мебельщикъ.

— Ну, такъ во второй.

— Тамъ живетъ отставной чиновникъ.

— Ну, я—въ третій!

— Какъ такъ? Что вы, смѣетесь что-ли надо мной! Принимаете меня за дуру? зарычала женщина—церберъ и захлопнула форточку. И такъ все это опять-таки обманъ. И такъ западня—не миѳъ и я избѣгъ ее, только благодаря своему благоразумію. Поставлена она была такъ ловко, что по всей вѣроятности она—результатъ ежедневной практики. Но теперь расчитанная холодность моего письма ослабитъ нѣсколько огонь сельской баттареи и положитъ конецъ любовнымъ изліяніямъ.

Что вы теперь скажете о деревенской простушкѣ? Развѣ она не можетъ помѣряться съ Парижскими вѣтреницами?

Я заключаю этотъ разсказъ, какъ басню, хотя это вовсе не басня, слѣдующею моралью: «по-

клонникъ прекраснаго пола, не довѣряйся дѣвушкѣ, не имѣющей во время дождя зонтика для укрытія отъ онаго, у которой есть тетка и которой нужно покупать полотна.»

ГЛАВА XIX.

Гречанки.

Въ Парижѣ находится большое количество домовъ, извѣстныхъ подъ именемъ table d'hôtes и содержимыхъ бывшими лоретками; тамъ, послѣ общаго стола—танцуютъ, и при случаѣ играютъ. Эти собранія бываютъ обыкновенно очень веселы, потому что составляются изъ беззаботныхъ головъ—богатыхъ чужестранцевъ, ищущихъ удовольствія женщинъ и праздно шатающейся молодежи. Греки нижняго разряда находятъ тамъ себѣ помощницъ въ различныхъ Цирцеяхъ и Армидахъ, обязанность которыхъ увлекать это смѣшанное общество. Болѣе или менѣе пріятныя дамы пристаютъ здѣсь къ играющимъ какъ жадные слѣпни къ скотинѣ; они наполняютъ всѣ подобнаго рода заведенія въ разныхъ частяхъ города. Но полиція, объятая страстью къ исправленію нравовъ, объявила имъ войну и усердно охотится за ними.

Прежде ихъ дома были открытыми игорными домами, доступными для всѣхъ; но теперь они открываются съ большою предосторожностью. Те-

перь для доступа туда требуется формальное представленіе, впрочемъ условія его не тяжелы. Нрав-

ственныхъ качествъ не требуется. «Есть у него деньги?» тихо спрашиваетъ хозяйка посвященнаго, который приводитъ ей новаго рекрута. «Онъ не шпіонъ?—Въ такомъ случаѣ милости просимъ!»

Новичокъ, не чувствующій особеннаго пристрастія къ игрѣ или совершенно незнакомый съ этими трущобами, найдетъ тамъ общество, которое на первый разъ внушитъ ему уваженіе.

По крайней мѣрѣ половина мужчинъ украшена различными кавалеріями; дамы украшены Сенъ-Амарантомъ, Мервикаль или Св. Луціей; взгляды ихъ такъ пламенны, что могутъ изжарить новичка. Хозяйка обыкновенно или дочь какого нибудь колониста съ острова С.-Доминго или вдова штабъ-офицера, убитаго при освобожденіи Мореи. Обѣды бываютъ и хорошіе и плохіе, смотря по прихоти хозяйки и по состоянію колеблющагося кредита ея у зеленщика и мясника. Новичекъ ставится подъ покровительство какой нибудь достойной любви сосѣдки; онъ, какъ благовоспитанный провинціалъ, считаетъ своею обязанностью каждый разъ послѣ стола предложить ей бутылку шампанскаго. Послѣ стола танцуютъ немного, чтобы не привлечь вниманія полиціи; но раскладываютъ столы для ланскнехта, Baccarat или dix points. Послѣдняя игра преобладаетъ въ этихъ домахъ. Сосѣдка садится около провинціала, интересуется его игрой, наступаетъ ему на ногу подъ столомъ; онъ въ разсѣянности не замѣчаетъ, что ручка его

сосѣдки подъ столомъ и различными знаками передаетъ его игру партнеру.

Въ этихъ домахъ принято обыкновеніе тасовать карты послѣ противника—такъ велико обоюдное довѣріе и утонченная вѣжливость, властвующія тамъ.

Впрочемъ выигрыши и проигрыши ограничиваются здѣсь небольшими суммами; по этому венгерскіе магнаты, польскіе князья и бразильскіе генералы по необходимости должны довольствоваться очень умѣренными доходами; большей развязности операцій препятствуетъ полиція. Она въ особѣ коммиссара часто вмѣшивается въ подобныя забавы. Коммиссаръ не лѣнится взлѣсть куда-нибудь въ пятый этажъ къ дамѣ, которая держитъ игру. Онъ крадется осторожно, какъ кошка за мышью. Вдругъ входитъ въ камеру засѣданія, беретъ свѣтильникъ, записываетъ имена игроковъ и уводитъ въ префектуру даму-предсѣдательницу, не смотря на ѐя орденскій крестъ. Такъ кончается комедія, автору которой полиція не оказываетъ большаго снисхожденія.

ГЛАВА XX.

Женщины—игроки.

Игра почти всегда бываетъ страстью горячихъ и нервныхъ натуръ; понятно по этому, что женщина, у которой всё основано на нервахъ и ощущеніяхъ, пристрастна къ игрѣ уже по одному своему темпераменту.

Игра случая, колеблющаяся судьба поля битвы, возбужденіе, происходящее отъ неувѣренности и неизвѣстныхъ результатовъ—всѣ эти обстоятельства, связанныя съ игрой, подстрекаютъ женщину; восторгъ и отвращеніе, гнѣвъ и радость, удовольствіе и боязнь—черезъ этотъ рядъ противоположностей проходитъ настоящая женщина въ продолженіи всей своей жизни, и съ ними она умираетъ. Мнѣ разсказывали, что между куртизанками высшаго разряда и между обыкновенными лоретками квартала Бреда, въ тѣхъ кругахъ, гдѣ игра въ любовь уже не возбуждаетъ болѣе участія,—демонъ Баккара̀, Ландскнехта и желѣзныхъ дорогъ увлекаетъ всѣхъ въ всеобщее разореніе и погибель.

Назадъ тому какихъ-нибудь два—три года у одной очень знатной и титулованной куртизанки были накрыты двое элегантные шулера съ фальши-

выми картами и представлены въ судъ. Французская знать сама свидѣтельствовала противъ нихъ на судѣ и по этому вѣроятно объ этомъ скандалѣ помнятъ еще и теперь.

Есть женщины-игроки, которыя тоже вѣроятно хотятъ что-нибудь выиграть, но разыгрываютъ по преимуществу сами себя; это по преимуществу занимательныя дѣвицы изъ части города Notre-dame des lorettes; ихъ каждый проходящій мимо кофейнаго дома можетъ видѣть сидящими съ картами въ рукахъ. Играютъ онѣ въ обыкновенныя игры Rheimps или trente et un и больше для того, чтобы дать возможность желающимъ любоваться ими. Партіи разыгрываются съ такимъ лихорадочныхъ усердіемъ, что часто продолжаются съ утра до обѣда.

Лишь только окончится обѣденное пиршество, возвращаются онѣ съ трепетомъ опять къ игрѣ и чтобы имъ не мѣшали, онѣ забиваются куда нибудь въ первый этажъ въ уютный уголокъ! «Живо коверъ и карты! Не дожидаясь кофе и прочаго!»

Съ первой минуты игра идетъ оживленно. Пока карты тасуются и вскрываются, пальцы нетерпѣливо перебираютъ марки, глаза блуждаютъ, лица разгораются, сердца трепещутъ; кризисъ ужасенъ. Наконецъ слышится вздохъ и въ тоже время восклицаніе:

«Trente et un объявляетъ M-lle Фантазія «Brelan de rois» отвѣчаетъ M-lle розовая почка и обѣ сіяютъ радостью вплоть до начала новой игры.

Наконецъ полночь; газъ тухнетъ, каминъ потухаетъ и слышится торжественный возгласъ garçon-а: «Сейчасъ запираемъ!».

«Какъ, запираютъ? Великій Боже!» Это имъ кажется равносильнымъ возгласу:

«Сестры!—вы должны умереть!»

Если имъ не жаль времени они продолжаютъ игру у M-lle Фантазіи, героини Rheimps'а и trente et un.

M-lle Фантазія живетъ въ очень миленькомъ жилищѣ, въ улицѣ Фонтана.—Она очень изящная дама и черезъ это она пріобрѣтаетъ время и средства для карточной игры.

Она не дурна, не смотря на то что красота ея уже созрѣла и принесла плоды, одѣвается со вкусомъ и изящно;. посѣщаетъ всевозможныя общества; не сближается съ игроками своего круга, ей извѣстны правила игры въ Баденѣ и Гомбургѣ.

Иногда она принцесса — парижанка съ иностраннымъ выговоромъ, какъ м-ме Меттернихъ.

Вы ее знаете или можете узнать, изучить, потому что она вездѣ: въ Монако — зимой, въ Петербургѣ весной. Въ Баденѣ и Гомбургѣ лѣтомъ, въ Парижѣ—осенью. Это изящная аристократка, необходимая принадлежность всѣхъ столицъ, водъ и игоръ. Эта женщина достойна поклоненія. Говорятъ въ 30 лѣтъ она вдова уже въ 3-й разъ и разъѣзжаетъ теперь по Европѣ,

отыскивая четвертаго. Слезы, которыхъ она пролила множество при своихъ несчастіяхъ, не испортили однако ея прекрасныхъ глазъ. Она поддерживается во всѣхъ своихъ семейныхъ несчастіяхъ двухмилліонной рентой и страстью къ игрѣ, исключающею всѣ воспоминанія и мысли.

Принцесса всегда спокойна, мягка и весела и проникнута насквозь важностью своего дѣла.

Принцесса за зеленымъ столомъ окружена маленькими графами и иностранными маркизами (герцогами); изъ нихъ каждый хочетъ быть ея patito; всѣ они очень похожи на подмастерьевъ цирюльника. Ея друзья знаютъ, когда можно черпнуть изъ ея кошелька, который даже будучи тощимъ, все-таки содержитъ хорошенькую сумму.

— Долго вы будете сегодня играть? спрашиваютъ ее вечеромъ, за столомъ.

«Нѣтъ, едва-ли—со мной только 15,000 фр.»

Принцесса умѣетъ пріобрѣтать и терять одинаково хладнокровно. Доказательство — слѣдующій случай:

Въ Монако проиграла она однажды почти 10,000 фр. въ trente a quarante; затѣмъ бросила послѣдніе свои пять луидоровъ и пошла, не дожидаясь результата. Она выиграла 1, 2.... до 7 и наконецъ ставка перешла максимумъ въ 4000 фр.

Начинаютъ искать принцессу и наконецъ находятъ ее за карточнымъ столомъ.

— Милостивая государыня—вашъ выигрышъ превзошолъ максимумъ!

— Очень вами благодарна—возьмите это себѣ. И съ полнѣйшимъ спокойствіемъ продолжаетъ игру.

Не правда-ли, вотъ что значитъ быть принцессой, даже въ игрѣ.

Графиня большаго роста, блондинка съ курчавыми волосами. Она высоко носитъ голову, выступаетъ смѣло, по солдатски, какъ будто бы у ней были шпоры на пяткахъ.

Въ игральную залу она является какъ блистательный дикій Мюратъ на поле битвы. Съ необузданнымъ усердіемъ бросаетъ она горстями золото на коверъ рулетки.

Нужно видѣть какъ она вдохновляется послѣ повторяющихся проигрышей. Пока идетъ рулетка, пока не скажетъ croupies свое страшное: Rien ne va plus! она всѣ мѣняетъ свои ставки и планы.

Если ей нужно отойдти отъ рулетки на нѣсколько времени, она сообщаетъ свои приказанія крупье голосомъ фельдмаршала. Если она выигрываетъ, взглядъ ея снова разгорается. Но ни выигрышъ, ни проигрышъ не въ состояніи ее успокоить; постоянно кажется, по ея жестамъ, какъ будто бы она выдирается изъ какой нибудь свалки.

Если память о куртизанкахъ нашихъ дней должна перейти въ потомство, то по всей вѣроятности имя знаменитой Бивоннь будетъ безсмертно.

Никто не знаетъ откуда она добыла это древнее, знаменитое и звучное имя. Любовницей одного изъ Бивоннь она не могла быть, такъ какъ эта фамилія давно вымерла.

Она обязана своимъ шикомъ по преимуществу своему имени; даже скорѣе чѣмъ красотѣ; она сдѣлала бы эпоху при дворѣ въ Версали даже во времена Дюбарри. Ея пороковъ и желудка хватило бы для поглощенія французскихъ милліоновъ.

Бивоннь перешла уже за сорокъ. Никто не помнитъ ее какъ брюнетку, теперь она бѣлокура, какъ хлѣбныя колосья при солнечномъ свѣтѣ. Если разсмотрѣть ее вблизи то она окажется «рябоватой», но тѣмъ восхитательнѣе издали, благодаря туалетнымъ тайнамъ. Искусство живописи и красокъ, употребляемыхъ женщинами — эта столь привлекательная тайна для многихъ мущинъ—сдѣлало теперь большіе успѣхи.

Кромѣ другихъ страстей Бивоннь чрезвычайно усердно предается карточной игрѣ. Любовь, обогатившая ее, ей наскучила и она утѣшается теперь карточной игрой, хотя она ей очень дорого стоитъ.

Желудокъ, о которомъ уже была рѣчь, даетъ ей большую силу за карточнымъ столомъ. Имѣть *хорошій* желудокъ—это въ игрѣ называется—быть *королевой*, т. е. не теряться ни при счастіи, ни при несчастіи.

Бивоннь имѣетъ *адскій* желудокъ т. е.: играла ли она на максимумъ ставки во времена изобилія, или на послѣднія карманныя деньги — она никогда не колебалась и не уступала. Удары судьбы ее не смущали, а выигрышъ не ослѣплялъ.

Другую женщину — игрока назовемъ Герминой. Для пріобрѣтенія извѣстности она прежде разыгрывала комедіи. Посредственная какъ актриса, какъ женщина она обладаетъ вызывающимъ взоромъ, округленными плечами и восхитительной ножкой: она прекрасна.

Прошлымъ лѣтомъ отправилась она на всѣхъ парахъ въ Германію и разыгрывала передъ глазами все-европейской баденской публики адскую игру. Въ самомъ ли дѣлѣ имѣетъ она страсть къ игрѣ трудно рѣшить — быть можетъ она пристрастилась къ ней по привычкѣ; по обыкновенію любила кого-нибудь и неудачно. Недавно, когда прошелъ слухъ, что она проиграла сто тысячь франковъ, въ насмѣшку къ ней хотѣли примѣнить поговорку: «игра залечиваетъ любовныя раны», только въ обратномъ смыслѣ.

Послѣ Бивоннь и Гермины, двухъ различныхъ типовъ этихъ новѣйшихъ искательницъ приклю-

ченій—другія промежуточныя, принадлежащія къ ихъ кругу личности не стоятъ и четырехъ строчекъ описанія. Но есть другія женщины, изъ другаго круга, которыхъ нужно разсматривать съ иной точки зрѣнія чѣмъ M-lle Гермину и грубую Бивоннь.

Посмотрите только на эту женщину-игрока съ тонкимъ, худымъ лицомъ и большими черными глазами, которые отъ худобы кажутся еще больше. Ея тѣло мало и слабо; руки бѣлы какъ воскъ; пальцы тонки и костлявы; дышетъ она чуть замѣтно.

Она больное избалованное дитя своего мужа, который ни въ чэмъ не можетъ ей отказать. Зимой везетъ онъ ее въ освѣщенное солнцемъ Монако; лѣтомъ она находитъ необходимымъ искать развлеченій въ Баденѣ.

Раннимъ утромъ, лишь только открываются игральныя залы — спѣшитъ она къ зеленому столу. Тамъ сидитъ она вплоть до обѣда, пока не пріидетъ супругъ и нѣжно не увлечетъ ее оттуда.

Возбужденіе, приносимое игрой, сдѣлалось необходимымъ для нея. Она и не можетъ скрывать своихъ ощущеній — въ счастіи и несчастіи она откровенный игрокъ.—Страсти, если не убиваютъ, то сохраняютъ жизнь—тогда онѣ дѣлаются важнѣйшими питательными средствами. Кто знаетъ, быть можетъ этому хрупкому созданію игра так-

же необходима, какъ минеральная вода, какъ солнечный свѣтъ.

Странный типъ представляетъ та зрѣлая, больше чѣмъ зрѣлая дама, которую шутя называютъ старой rentière; она часто выигрываетъ.

Она не играетъ азартно и на большія суммы; она маленькій игрокъ; она также спокойно сидитъ за столомъ рулетки, какъ за обѣдомъ.

Она сидитъ спокойно, потому что никто лучше ее не знаетъ, что игра измѣнчива и прихотлива; она оперла голову на обѣ руки и внимательно, заботливо наблюдаетъ игру, прежде чѣмъ броситъ малѣйшую монету.

Старая rentière знаетъ нумера цилиндра не хуже азбучнаго алфавита.

Если игра идетъ правильно, если выигрывающіе №№ колеблются отъ 1—12, 12—24, 24—36 и отъ 36 опять возвращаются въ первую дюжину, то наша rentière играетъ и съ рѣдкимъ счастьемъ; она почти всегда вѣрно угадываетъ тотъ нумеръ, который долженъ выйти.

Если же игра неправильна, фантастическая и перескакиваетъ съ 1 на 36, съ 20 на 5 съ 5 на 35, съ 35 на 0—то она изучаетъ ее дальше, отъискиваетъ порядокъ въ этомъ безпорядкѣ, хочетъ наити руководящую нить въ этомъ хаосѣ. Сначала она ищетъ въ дюжинахъ, потомъ въ полъ—и скоро находитъ.

Ее ничего не удивляетъ: всѣ странныя прихоти игры ей извѣстны. Она такъ много наблю-

дала, видѣла и вычисляла впродолженіи долгаго дня, что и по окончаніи игры она живетъ между катящимся шарикомъ и выпадающими нумерами.

Не говорите однако никогда старой rentière что она выиграла.

«Я?» воскликнетъ она тогда—«я еще проиграла 1200 фр.»

— Отчего это вы постоянно проигрываете по 1200 фр., старая rentière? Лукавая же вы госпожа; вы довольно ловко стрижете невинныхъ овечекъ и хотите это скрыть изъ ложнаго стыда.

— Ну, вотъ! Откройтесь лучше! А то игра не стоитъ свѣчь.

Женщины послѣ игры, если онѣ выиграютъ— сдержаннѣе чѣмъ мужчины; въ несчастіи они выносливѣе и не такъ вѣсять носы: они никогда не теряютъ надежды на завтра.

Несчастные игроки! Я видѣлъ ихъ въ каютѣ парохода возвращающимися изъ Монако въ Ниццу; съ ногъ до головы они были закутаны въ дорожное платье, изъ подъ нахлобученныхъ шляпъ виднѣлись только ихъ неподвижные глаза; они какъ будто хотѣли сказать: «А гдѣ наши пистоли?» Женщины напротивъ были веселѣе и смѣялись даже надъ своимъ несчастіемъ; онѣ теперь настолько же героини, на сколько передъ этимъ были безстрашны.

И такъ, милостивые государи, полное уваженіе къ игрокамъ-женщинамъ.

ГЛАВА XX.

Знатныя дамы.

Молодыя дѣвушки получаютъ тоже воспитаніе, какое получили ихъ матери. Большая часть изъ нихъ воспитаны въ Sacré-Coeur или въ Oiseaux. Нѣкоторые имѣютъ гувернантку или бонну—почти всегда англичанку.

Ихъ обучаютъ такъ, какъ принято обучать женщинъ, т. е. они учатся по англійски, музыкѣ, не много исторіи и географіи и своему родному языку настолько, чтобы имѣть возможность правильно писать.

Ихъ приданое, когда онѣ выходятъ за мужъ, простирается среднимъ числомъ до 500,000 фр. и вдвое болѣе если состоитъ изъ десятка или дюжины большихъ домовъ.

Очень многія изъ молодыхъ дѣвушекъ, красивыя собой, хорошо воспитанныя и веселыя, вступая въ салопы Сенъ-Жерменскаго предмѣстья остроумно болтаютъ и съ восторгомъ танцуютъ! Но возвращаясь домой они вздыхаютъ, иногда плачутъ, потому что имъ 28 лѣтъ и на балѣ онѣ

тщетно искали себѣ жениха. Они выходятъ наконецъ замужъ за какого нибудь стараго дворянина изъ провинціи, или богатаго собственника, что стоитъ дворянина.

Теперешнее С.-Жерменское предмѣстье совсѣмъ не то, что было прежде, въ немъ едва наберется 4—5 домовъ на старую ногу, 7 или 8 знатныхъ дамъ сдѣлались дѣвочками. Онѣ бросили свои отели, не для того, чтобы искать счастья съ своимъ возлюбленнымъ за границей, но—чтобы не стѣснять себя. Постепенно опускаясь, продавая остатокъ вліянія, ажіотируя—погрузились онѣ сначала въ разнаго рода грѣхи, а потомъ имъ удалось наконецъ достигнуть до того, что онѣ стали продавать себя. А между тѣмъ, нужно сознаться, это были очень знатныя дамы.

Однако онѣ составляли исключеніе.

Женщина, ведущая правильный образъ жизни къ завтраку уже совершенно одѣта; утромъ она прослушала обѣдню. За тѣмъ она занята дѣтьми и хозяйствомъ или вышиваетъ какую нибудь вещь для церкви или коверъ или какіе нибудь рукавчики. Она одинъ день въ недѣлѣ принимаетъ у себя, въ остальные посѣщаетъ подругъ; для своихъ дѣтей устроиваетъ дѣтскіе вечера; считается покровительницей «общества—убѣжище.»

Теперь наступило время отправляться въ паркъ. Иногда ее сопровождаетъ супругъ но по большей части рядомъ съ ней сидитъ подруга, за неимѣ-

ніемъ ея—дитя. Ни одинъ любовникъ не галопируетъ около ея коляски, ни одинъ не встрѣчаетъ ее при поворотѣ въ аллею, чтобы предложить ей ручку при выходѣ. Любовники имѣютъ связи въ другихъ кругахъ. Они услаждаются вистомъ въ салонахъ, курятъ и играютъ въ клубахъ. Вечеромъ въ то время, какъ знатная дама сидитъ впереди своей ложи въ Итальянской или большой оперѣ, они шумятъ въ маленькихъ театрахъ. На дачѣ знатныя дамы разыгрываютъ комедіи, въ городѣ даютъ концерты и балы. На балахъ отличаются только дамы богатаго дворянства отъ высшей буржуазіи. Ихъ платья также обширны, но не такихъ яркихъ цвѣтовъ; у нихъ больше алмазовъ, менѣе естественныхъ цвѣтовъ; менѣе фантазіи въ украшеніяхъ—что свойственно только людямъ всегда вращающимся въ извѣстныхъ кружкахъ, привиллегированныхъ отъ рожденія; чѣмъ болѣе демократизируется общество, тѣмъ крѣпче держатся они за свои привиллегіи; теперь они исключительнѣе, чѣмъ тридцать лѣтъ назадъ. Два года спустя по вступленіи на престолъ Л. Филлипа, посланническіе салоны были нейтральной почвой, гдѣ знать сходилась со своими клубными знакомыми, которыхъ она не хотѣла принимать у себя дома. Собирались у гг. Аппони, Гранвиля и Бриньоле. Четыре года спустя назадъ уже совсѣмъ другое. Г-жа Меттернихъ приглашаетъ на свой большой балъ только оффиціальныхъ лицъ

и даетъ своимъ подругамъ изъ С.-Жерменскаго предмѣстья только маленькій soiré (вечерокъ).

— Играютъ на этихъ балахъ или нѣтъ? спросилъ я графа С.

— Очень мало, только на одномъ столѣ.

—Завязываются тамъ интриги молодыми людми?

— Если молодые люди и бываютъ тамъ, то очень не долго; они не находятъ тамъ уже никакого удовольствія. Осьмнадцатилѣтнія дѣвицы и мужчины проводятъ охотнѣе тамъ время.

— А мужья?

— Если вы хотите на балѣ отыскать супруга какой-нибудь дамы, то ищите какъ можно дальше отъ нея.

— Такъ ли какъ прежде остроумны ваши старыя дамы?

— Ха! Конечно, я встрѣчалъ нѣкоторыхъ отчасти сохранившихся; они не дурно болтали—но у большей части одна страсть—устроивать различнаго рода брачные союзы.

— Есть ли у васъ еще аббаты?

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ былъ аббатъ г-жи де Жервилье. Но онъ не употребителенъ для нихъ теперь, съ тѣхъ поръ какъ сталъ архіереемъ. Впрочемъ это былъ послѣдній аббатъ. Давно уже женщины предмѣстья берутъ себѣ въ духовники священника своего прихода.

— Извините меня за мои вопросы. Не можете мнѣ разсказать что нибудь о медовомъ мѣсяцѣ?

— Медовый мѣсяцъ начинается съ вагона, купе или коляски. *Они* отправляются въ Италію или Швейцарію. Съ нѣкотораго времени многіе новобрачные отправляются просто въ свои помѣстья. Короче, всѣ такъ дѣлаютъ, хотя мода на путешествія и начинаетъ ослабѣвать. Одна прелестная женщина, моя кузина, потому что она вышла за мужъ за моего кузена, сказала мнѣ однажды:

— Подумайте только! когда я была маленькой, я хотѣла выйти за мужъ непремѣнно за дворянина. Или дворянинъ, или монастырь. Надо мной смѣялись, но тщетно. Одна изъ моихъ подругъ по пансіону имѣла родственника—маркиза, который долженъ былъ ее посѣтить. Мы увидимъ маркиза! О какъ это любопытно! Мы почти не спали; онъ сдѣлался единственнымъ предметомъ нашихъ занятій. Мы нарисовали въ своемъ воображеніи его портретъ: онъ непремѣнно высокаго роста, строенъ, съ бѣлокурыми или каштановаго цвѣта волосами, голубыми глазами, маленькой ножкой, тонкими прозрачными руками; при этомъ у него, конечно, изящныя и гордыя манеры; его гордости противорѣчитъ его мягкій симпатическій смѣхъ, которымъ онъ насъ встрѣчаетъ.

Наконецъ наступилъ великій день. Въ пріемную ввалился средняго роста человѣкъ, закругленный со всѣхъ сторонъ въ родѣ боченка, съ зелеными глазами и рыжими волосами; у него были длинныя руки и нескладныя, въ родѣ гуси-

ныхъ, ноги. Это былъ маркизъ! Какой убійственный обманъ!

Это было причиною того, что я сдѣлалась вашей кузиной. Въ отчаяніи я вышла за нотаріуса.—

Многія знатныя дѣвушки выходятъ замужъ поздно или совсѣмъ не выходятъ, за недостаткомъ средствъ. Не вышедшія замужъ дѣлаются фрейлинами въ какой нибудь баварской столицѣ; они посѣщаютъ общество, гдѣ ихъ называютъ мадамъ. Честь имѣю представить вамъ одну изъ такихъ фрейлинъ.

Фрейлина эта эмигрировала назадъ тому не болѣе года. Она родилась въ ночь взятія приступомъ Бастиліи. Дѣтство свое она провела при различныхъ дворахъ, гдѣ родители ея, лишенные средствъ и куска хлѣба, искали себѣ помощи. Десяти лѣтъ отъ роду маленькая эмигрантка занималась вмѣстѣ съ своею матерью вышиваньемъ, которое покупалось у нихъ какой-то Берлинской гражданкой. Въ 1815 году возвратилась она во Францію, уже осиротѣвшая; она незнала никого изъ придворныхъ и была также бѣдна, какъ и по ту сторону Рейна; вдругъ вышло вознагражденіе эмигрантамъ и она вдругъ разбогатѣла. Это видоизмѣнило ея дѣло. Искатели ея руки, до того времени державшіеся въ отдаленіи—теперь явились во множествѣ. Гордая молодая дѣвушка, помня недавнее пренебреженіе, отказывала всѣмъ имъ. Нѣсколько позже она, казалось, раскаялась и рѣшилась выбрать себѣ мужа. Но она уже вступила въ разрядъ старыхъ дѣвъ и даже ея собственное семейство смотрѣло на нее такимъ образомъ. Появилось множество затрудненій; никто не являлся въ супруги.

Но она богата, даже очень богата; она нанимаетъ прекрасную квартиру, меблируетъ ее, и заводитъ себѣ экипажъ. Вскорѣ она уѣзжаетъ въ Баварію. Титулъ фрейлины даетъ своей обладательницѣ право являться въ свѣтъ безъ матери и супруга.

Но изъ этого права наша фрейлина не дѣлаетъ никакого чрезмѣрнаго употребленія. Она устарѣла и рѣдко посѣщаетъ салоны, гдѣ она является одѣтая чрезвычайно просто; съ крестомъ на шеѣ изъ алмазовъ, удивительнаго огня. Она толста и не привлекательна. Набожность развила въ ней ту робость, которая такъ свойственна всѣмъ, безъ счастья прожившимъ молодость. Но она любима за свою доброту и ею дорожатъ по причинѣ ея беззаботности.

Назадъ тому десять лѣтъ у ней было двѣ нѣжныя склонности. Теперь же у нея только одна— къ племяннику, носящему ея фамилію и какъ прилично молодому человѣку, живущему по модѣ. Этотъ племянникъ ужасно пугаетъ ее.

Она хочетъ передать ему свои капиталы и спрашиваетъ себя безпрестанно: «останутся-ли мои деньги въ нашемъ семействѣ или сдѣлаются собственностью какой-нибудь оперной танцовщицы?» Другая сердечная склонность причиняетъ ей и теперь глубокое горе. У ней былъ мопсъ, который, какъ всѣ мопсы со времени всемірнаго потопа назывался Азоромъ. Когда Азоръ умеръ, его гос-

пожа не могла утѣшиться до тѣхъ поръ, пока она не пріобрѣтетъ другую собаку той же породы, и съ тѣми же свойствами. Но кто можетъ въ настоящее время не только похвалиться, но и найти мопса чистой крови?

«Послѣдніе мопсы находятся во французской Фландріи» сказалъ одинъ другъ фрейлинѣ, «Фландрія—страна старыхъ дѣвъ, древнихъ гражданъ, столѣтнихъ сторожевыхъ башень; тамъ сохраняются всѣ старыя породы.» Фрейлина предложила своему духовнику попросить Епископа Камбрейскаго, чтобы тотъ постарался съ помощію всѣхъ священниковъ свой епархіи найти ей мопса.

Но всѣ усилія были тщетны. Однажды фрейлина узнала, что гдѣ-то въ глубинѣ Голландіи живетъ одна 80-ти лѣтняя Фрисландка, обладательница двухъ мопсовъ. Ея надежда должна была наконецъ исполниться. Нѣкто, уполномоченный ею, быстро отправился въ путь.

Но, когда онъ прибылъ на мѣсто, Филемонъ и Бавкида, изъ породы мопсовъ, только-что испустили духъ и не оставили послѣ себя никакого потомства.

Глубокое отчаяніе. Наконецъ ей удалось найти одного въ Парижѣ. Онъ принадлежалъ одной старушкѣ изъ простонародья, которая, какъ только позволяла погода, водила его гулять въ Тюльери. Онѣ не знали фамиліи другъ друга, но каж-

дый разъ когда онѣ встрѣчались, они спѣшили на встрѣчу одна другой, улыбались и кланялись другъ другу и затѣмъ вмѣстѣ прогуливались. При

видѣ мопса не можетъ быть рѣчи о сословныхъ различіяхъ и предразсудкахъ.

Но собаку не продавали и по старости приплода отъ нея нельзя было ожидать.

Короче, фрейлина купила его уже послѣ смерти и сдѣлала изъ него чучелу. Онъ лежалъ на прекрасной вышитой подушкѣ. По цѣлымъ часамъ смотрѣла она на него задумчиво и вздыхая. Ей доставили другую прекрасную собачку, которую она очень любила, но несмотря на это, она безпрерывно повторяла:

«Эти Кингъ-чарльзы—тихія, кроткія, ласковыя животныя; они никогда не кусаются, но съ мопсами они не могутъ идти ни въ какое сравненіе. Въ мое время всякая женщина имѣла своего мопса.»

И затѣмъ она опять ногружалась въ раздумье и въ разсматриванье своего мопса Азора.

ГЛАВА XXI.

Синіе чулки.

Несчастна та женщина, которая знаетъ всѣхъ нашихъ собратовъ по прессѣ; она имѣетъ отъ 40—45 лѣтъ, мужскія ухватки, тяжело-переваливающуюся походку, небрежную осанку. «Безъ всякой граціи, свойственной ея полу», сказалъ бы поэтъ первой имперіи.

Каждый день таскается она изъ одной редакціи въ другую съ своими рукописями, толстымъ сверткомъ, который выглядываетъ изъ подъ ея изношеннаго плаща.

Она не стѣсняется отказомъ служителя редакціи или швейцара; она съумѣетъ открыть себѣ входъ.

Если никого нѣтъ, она ждетъ.

Она не уйдетъ, пока ее не выслушаютъ, пока ей не отвѣтятъ, пока не изложатъ ей основаній—почему ей отказываютъ.

Тогда начинается разсказъ, жалобы безъ конца!

«У ней украли всѣ ея идеи... И это Дингеда! знаете, извѣстный Дингеда! Даже самый псев-

донимъ онъ взялъ изъ ея романа «Естелла или дочь козака», а романъ просто стащилъ съ ея конторки» и т. д.

Бѣдная женщина! смѣшна но достойна сожалѣнія.

Несчастливъ тотъ, кто ей растрогается; невѣроятно, чтобы кто нибудь показалъ къ ней участіе; иногда развѣ беретъ кто нибудь ея рукописи и обѣщаетъ ихъ прочесть.

Тогда спокойствіе для него потеряно навсегда; она повсемѣстно и неотступно будетъ его преслѣдовать.

Тщетно онъ предлагаетъ ей деньги или удовлетвореніе. Нѣтъ! она хочетъ печататься! это ея манія — еще шагъ впередъ и — сумасшествіе А что она сойдетъ съ ума—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Однако чѣмъ она живетъ, прежде чѣмъ попадетъ въ госпиталь?

Это—тайна ея частной жизни, вывѣдать которую нѣтъ никакой возможности.

Но даже и между синими чулками, съ нѣкоторою степенью извѣстности, находятся такія, которыя принадлежатъ къ такъ называемымъ *bohême*.

Это тѣ Парижскія древности, которыя въ свое время насладились недѣлей тріумфа и покрайней мѣрѣ впродолженіи цѣлаго дня считались 10-й музой.

Теперь онѣ только терпимы и встрѣчаются тамъ и сямъ въ салонахъ; онѣ очень тощи и носятъ бросающуюся въ глаза прическу.

Послѣ того, какъ онѣ притупили свой голикъ въ служеніи Аполлону и Венерѣ — онѣ живутъ какъ жрицы Меркурія.

no. 6